

Александр Вагнер

Будь верен сам себе

Книга 1. Сквозь тернии к звездам

Третья ступень

Берлин, 2023

Содержание

Часть III. Третья ступень	2
Республиканский Вычислительный Центр Министерства Здравоохранения Каз ССР.....	3
Профессор Халтаев. Дом отдыха Совмина, 1987 год	5
Андижан, декабрь 1987 года	6
Поездка в Институт Биофизики Филиал №5. Иркутск, июнь 1988 года	7
Кооператив «Алгоритм», октябрь 1988 года	9
Первый гонорар, май 1989 года	10
Научная конференция на теплоходе «Советская Россия», 1989 год	12
Как будем делить премию	13
Туссовка доктора Манделя.....	14
Кто хочет быть директором. Осень 1990 года.....	15
Республиканская Санитарно-Эпидемиологическая Станции (РСЭС) Минздрава Каз ССР	16
АСУ «САНЭПИД», директор Кравченко	17
Красников, Майдан и другие.....	18
Научно-исследовательский Институт Гигиены и профзаболеваний	20
Институт Теоретической и прикладной Математики Академии Наук Казахстана, ИТПМ Май 1993 года	22
Чимкентские соколы. Июль 1994 года	24
Научный Центр Медицинских и Экономических проблем здравоохранения, 1994 год	25
Ситуации в верхних слоях научной атмосферы.....	25
Октябрьская неделя в Москве	27
Площадь Юности	30
Похороны Турсунбая, март 1995 года.....	30
Защита диссертации, Апрель 1995 года	32
Немецкий Дом. Ташкент, ноябрь 1995 года	36
Dederer и другие	38
Монография, ноябрь 1995 года	39
Встреча делегации Бундестага	43
Съезд немецких ученых Казахстана, сентябрь 1996.....	44
Юбилей Бооса, сентябрь 1996 года	46
Кандидат технических наук, ноябрь 1996 года	46
Встреча в день поминовения на военном кладбище, ноябрь 1996 года.....	47
Последние дни в Алм-Ате. Декабрь 1996 - Январь 1997 года	47
Ночь перед отлетом.....	49
Полет в очередную Неизвестность	50

Александр Вагнер. München, Английский парк 2005

Часть III. Третья ступень

Этот рассказ носит названия «Третья ступень». Почему Вертикаль? Был такой такой фильм в конце 60-х годов в главной роли с Владимиром Высоцким. И там были очень хорошие песни про отважных покорителей горных вершин. В них отважные горновосходители в спортивных кедах (?) пели мужественные песни про себя и свои подвиги, про то, что «... здесь вам не равнина, здесь климат иной». У меня всегда возникал вопрос, вернее два. Первый, зачем туда лезть? И второй, зачем об этом петь? Молчи уж, если залез и думай о том как будешь спускаться. Сцепи зубы и молча и зло спускайся, песни при этом не запоешь.

Моя вертикаль имеет очень простое определение, а именно – это вертикальное восхождение по карьерной лестнице, а часто и не по лестнице вовсе, а по горной тропе. Песни петь тут не принято и результат тут не «На вершине стоял хмельной», а вполне конкретный в виде работающих систем и программ ЭВМ. Такой же как у миллионов других тружеников, будь-то трактористы, шахтёры, пилоты или лесорубы. Про эту свою вертикаль я попытался рассказать более или менее детально, возможно кому-то будет интересно. А если и нет, то и суда нет. Восхождение длилось ровно 10 лет и было вторым этапом в моей жизни, о первом этапе длиною в 8 лет я рассказал в первой части моих воспоминаний под названием «Мои Университеты».

Республиканский Вычислительный Центр Министерства Здравоохранения Каз ССР

В конце апреля 1986 года меня пригласили на работу в Республиканский Вычислительный Центр Министерства Здравоохранения Казахской ССР

Я согласился и на следующий день заявился во владения директора ВЦ Иванова, нашел его зама Роберта Кима, потолковали с ним, затем мы пошли на беседу к Иванову. Он в это время дискутировал в актовом зале с каким-то говорливым диллетантом в области АСУ о путях Автоматизации Минздрава КазССР.

Я послушал этот диспут, заодно познакомился с этим говорливым диллетантом (Рустамом М.), его определил в эту группу зам министра Здравоохранения Каз ССР Грибанов. После окончания совещания собрались втроем у Иванова в кабинете, где я написал заявления о приёме на работу в должность начальника отдела «Разработки и внедрения научно-исследовательских задач».

Исторический момент. С этого времени я профессионально **занимаюсь** исключительно прикладной наукой Биостатистикой/Биометрикой. То к чему я всю свою сознательную жизнь стремился стало с этого дня реальностью. После майских праздников я забрал свою трудовую книжку в ВЦКП, в которой зав кадрами Аубакиров вывел своим красивым почерком стандартную фразу «Уволен по собственному желанию». В тот же день отвез её на новое место и приступил к своим прямым обязанностям.

Фото №1. Служебное удостоверение заведующего отделом

«Разработки и внедрения научно-исследовательских задач АСУ» ВЦ Минздрава Каз ССР

Отдел состоял из трех человек. Главным специалистом был Герман Поволоцкий – бывший, но опальный зам директора ВЦ. Это был изрядно полноватый холостой мужчина в возрасте под 50, который был неженат и жил с мамой. Это был хитроватый, но не подлый и не глупый человек, когда-то он освоил ЯСК для «МИНСК-32» и сейчас программировал какие-то таблицы для НИИ Кардиологии. Работал он по ночам так как в дневное время ЭВМ МИНСК-32 отказывалась из-за жары работать. Вторым сотрудником была Галина Буцких – дама без особого ума, но с очень большими амбициями и наглостью через край. Она пыталась вначале диктовать мне условия, затем соблазнять своими неаппетитными телесами, но всё тщетно. У меня к этому времени был богатый, долгий и успешный, иногда себе во вред, опыт борьбы с болтунами и бездельниками. Когда она мне объявила о том, что не будет работать до тех пор пока ей не повысят зарплату, я ей ответил, что она не будет получать зарплату до тех пор пока не будет работать. Когда она в очередной опоздала на работу на 15 минут, то я её предупредил о чреватости подобных действий, когда же она это повторила, то я накатал к великой радости Роберта на неё докладную. Роберт подключил отдел кадров, который с превеликим удовольствием стал её пасти, дамочка насолела многим, некому было её поставить на место. Через неделю у Иванова лежала на столе стопка докладных, дамочка подала в отставку. Общественность ВЦ открыла рот от удивления, самые сообразительные поняли, что с этим парнем шутки плохи. Третьим кадром была молодая девушка по имени Бану, она находилась под влиянием Буцких, была комсомолкой и человеком с ленцой. Вскоре она тоже уволилась. Таким образом я начал в который раз комплектовать отдел с нуля. Сбору по сосенке получилась копна хвороста. С этими кадрами мне предстояло автоматизировать

научные медицинские исследования в Казахской ССР. Задача была нетривиальная, необходимы были неординарные действия.

Я принялся за дело. Задачи были типовые: на входе анкеты со множеством вопросов, порой пару сотен, на выходе десятки таблиц и ответ о том, какой метод лечения более эффективный или нечто подобное. Из статистических величин требовались М-большое, м-малое и Р, таков был жаргон ученых-медиков. Нутром я понимал, что без автоматизации тут не обойтись, небольшой опыт у меня уже был, десять лет назад я занимался САД, чуть позже в 1979 познакомился с идеей Гусакова из Киева выдачи множества таблиц с помощью препроцессора КОБОЛ. Мне удалось выяснить, что в Минском Университете имеется Пакет Прикладных Программ Статистики «СОМИ» или переработанная версия американского пакета BMDPI, как довелось немного позже это узнать. Я написал туда, получил ответ и просьбу перевести 900 рублей по указанному счету. Деньги были переведены и через некоторое время я получил бандероль с 2-мя магнитными лентами и двумя тоненькими брошюрами.

Я начал изучать брошюры и запускать систему. Через некоторое время она закрутилась и первая часть проблемы была частично решена. Вторая проблема состояла в автоматизации формирования и выдачи таблиц. Я подключил своего сотрудника Булата, тот имел какие-то связи с филиалом Новосибирского Научно Исследовательского Института «Систем», где якобы имеется подобная система, но дальше предположений дело не пошло. На счастье ко мне обратился Сергей Сергеевич Гаврилов, человек с рыдающим акцентом и грассирующим «Р», из НИИ Кардиологии с заказом на автоматизацию задачи. Тема была Союзная и он сказал, что программные средства мы получим из Всесоюзного Кардиоцентра в Москве. Так оно и случилось.

В декабре 1986 я отбыл в Москву, нашел Всесоюзный Кардиоцентр и мне вынесли ко входу магнитную ленту без всяких пояснений. Я благополучно доставил эту МЛ в Алма-Ату. Инсталлировал SAS и занялся его изучением. Долбался вечерами и по выходным в ВЦ «Тюрьма». Так называли острословы какой-то НИИ МВД, который находился возле Никольского рынка. Вход туда был по пропускам и строго охранялся суровыми вахтерами. Это не мешало мне дневать и ночевать в машинном зале, где стояла ЭВМ Минздрава ЕС-1035 на арендованной территории.

Фото №2. Служебный пропуск в НИИ «Тюрьма»

Наконец мое настойчивое любопытство было вознаграждено и я запустил SAS!

Этот момент я запомнил на всю жизнь. Вдруг АЦПУ затрещало и оттуда полезли таблицы, графики и программный код. Это распечатывалась библиотека примеров. Я схватил эту бумажную ленту и побежал по коридору (без крика «Эврика», конечно). В конце коридора у мужского туалета стояли Володя Ким и Кыпшак Мухамедшин в облаке сигаретного дыма и скептически улыбались глядя на мои прыжки. Наступит время и в конце этой истории улыбаться буду я, а они с теми же сигаретами во рту зеленеть от зависти.

SAS превзошел все мои ожидания! Процедура TABULATE было то, что надо. При помощи этой процедуры можно было в считанные минуты запрограммировать расчет и выдачу любой таблицы. Таким образом вторая задача тоже была решена. Оставался нерешенным вопрос с документацией. На магнитной ленте я нашел короткую справку с адресом и телефоном Гарри Буша из Риги, человека который запустил или участвовал в запуске SASa в СССР. Я ему написал и попросил ответа на пару вопросов, в том числе где найти литературу. Через некоторое время получил от него дружеский ответ и адрес, где можно найти литературу. Найти её можно было в

Государственной Научно-Технической Библиотеке СССР (ГПНТБ). Эта библиотека в Москве на Кузнецком Мосту была хорошо мне известна по предыдущей деятельности в ВЦКП Госкомиздата СССР.

Я отправил туда заявку, получил вскоре отписку. Снова написал, получил ответ и затем первую порцию ксерокопий перевода SAS-документации на русский. Переписка с ГПНТБ длилась два года, но я получил всё-таки полный комплект имеющейся на русском языке документации. Таким образом, менее чем за год был укомплектован отдел, оснащен передовыми программными средствами и стал выдавать продукцию. Темпы в сонном царстве АСУ впечатляющие. Наступила пора публикаций, которая длилась 10 лет до самого моего отъезда в Германию. За это время были опубликованы десятки статей, монография и защищена диссертация, я участвовал в дюжине конференций, компьютерных выставках, познакомился со многими интересными людьми, в том числе с европейским SAS-Институтом из Гейдельберга. Воистину я попал на золотую жилу, или как говорил Валерий Тхя, открыл Клондайк. SAS стал моей судьбой, а я его верным и преданным последователем.

Профессор Халтаев. Дом отдыха Совмина, 1987 год

До отъезда с семьей в отпуск к теще в Тамбовскую область мне пришлось выполнить срочную работу для одного диссертанта из Института Кардиологии. Соискатель был родом из Кара-Калпакии, с трудом говорил по-русски, был довольно слабым в науке, но очень пронырливым. Он твердо был уверен, что не диссертация, а нужные люди могут сделать его кандидатом медицинских наук и действовал согласно этого правила.

Он появился у меня на пороге моего кабинета в ВЦ Минздрава и начал объяснять, что ему нужна помощь в обработки данных его диссертации. Я ему сказал чтобы он принес все исходные данные для анализа и коротко написал, в чем заключается цель его исследования. Вскоре тот появился в назначенное время и принес свои данные на бумаге и на словах попытался рассказать, что он хочет иметь на выходе. Я быстро понял, что это за исследователь и сказал, что посмотрю данные, потом позвоню ему. Через пару дней я перезвонил, пригласил его на встречу, объяснил, что данные надо вначале записать на магнитный носитель, показал ему формат записи и отправил в отдел подготовки данных. Тот удалился и через некоторое время принес магнитную ленту с исходными данными. Я записал информацию в свою Базу Данных и начал анализ. Как я понял темой исследования был анализ влияния питания и вредных привычек на здоровье пациентов, в том числе на заболевание диабетом, коронарными сердечно-сосудистыми заболеваниями и пр. Руководителем этого соискателя был профессор Халтаев из МГУ, якут по национальности и специалист в области диетологии и прочих с этим связанных тем.

За неделю я провел обсчет данных, просчитал несколько подходящих моделей и приготовил рулон бумаги соискателю ученой степени. К этому времени прибыл профессор с дочкой из Москвы и поселился в Совминовском доме отдыха по проспекту Ленина в направлении Медео. Билет и место в доме отдыха оплатил, разумеется, соискатель из своих средств. Соискатель приехал на своей красной Ладе ко мне и повез в Совминовский дом отдыха. Проехали милицейский пост, поставили авто на стоянку и пошли к профессору в номер. В следующие полчаса я показывал результаты анализа профессору и давал пояснения к таблицам, графикам и статистическим моделям. Профессор всё выслушал, посмотрел результаты, задал несколько вопросов и сказал, что для диссертации этого достаточно. За пару недель была сделана очередная диссертация, всего этих кандидатских диссертаций я обсчитал и сделал кандидатами 12 человек и ещё 6 человек докторами. Мне самому уже можно было присваивать звание профессора, но у меня пока ещё не было ученой степени кандидата наук.

Соискатель принес к фирменному поезду №7 «Алма-Ата – Москва» подарочный коньячный набор для меня. Он был очень предусмотрительный ученый из Кара-Калпакии, знал, что не исключен вариант и ему потребуется ещё обращаться ко мне для дальнейшего просчета-пересчета данных. Не все соискатели и не всегда это понимали.

Андижан, декабрь 1987 года

Два часа заснеженные вершины гор под крылом самолета, затем посадка в Оши. Нас с Рахимом встретили двое в красном «Москвиче» и повезли в Андижан. Было тепло для декабря, градус 15-17, по обеим сторонам асфальтной ленты стелились поля с кустиками хлопчатника с опавшими листьями. Там и сям виднелись журавли нефтекачалок. Подъехали к мединституту, отметили командировочные и отправились в гостиницу, типичную панельную новостройку.

Вечером были поданы два «Икаруса», товарищи ученые погрузились в них и отправились на встречу с сельской общественностью. Общественность ждала в районном клубе. Московские представители сидели в президиуме, а представители регионов и общественность в зале. Зам директора Московского Института Кардиологии профессор Бритов сделал доклад о состоянии дел в области профилактики гипертонии, рассказал чем занимается институт и представил его сотрудников. Затем позволили общественности задать интересующие их вопросы. Подготовленный заинтересованный представитель сельского населения, молодой узбек из числа комсомольских активистов спросил о том, является ли космонавт Атьков сотрудником их института. Бритов удивился такому глубокому познанию сельских тружеников о сотрудниках института и сказал, что космонавт действительно работает у них. Рахим, сидящий рядом сказал, что этот Атьков, будучи аспирантом, всегда спал на ночных дежурствах, которые они проводили вместе с Рахимом. Мне было наплевать на вопросы и ответы, у меня были свои вопросы к президиуму.

После официальной части началась неофициальная. Гостеприимные сельские труженики накрыли столы дарами юга и пригласили ученых за них. На столы подали блюда с ароматным узбекским пловом. В вазах лежали гранаты, виноград, яблоки и прочие экзотические фрукты. Чтобы гости не скучали им наливали из фарфоровых чайников вместо традиционного узбекского зеленого чая коньяк или вино. В это время в стране свирепствовал сухой закон, инициированный бестолковым Генсеком и решительно проводимый в жизнь не менее бестолковыми исполнителями, главным из которых был секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев. Одним словом история города Глупова и его активных градоначальников с помощниками в новом исполнении.

Мы с Рахимом сидели в середине стола, поедали южные яства и беседовали. Рядом расположился доктор Лачинян из Еревана и ещё один доктор армянской национальности из Ставрополя. После ужина были затеяны танцы в кружок. Один из обязательных номеров подобных дружеских встреч. Эти хороводы были всегда ненавистны мне. Народ выходил в кружок и дергался кто как мог, изображая веселье. К одиннадцати веселье закончилось. Ученые гости поехали в гостиницу, а гостеприимные хозяева сели доедать плов и допивать содержимое фарфоровых чайников. Простые перефирийные ученые поехали в свою панельную обитель, а московские ученые в другую гостиницу, обкомовскую. Для них был подан микроавтобус, я запрыгнул туда по ошибке перепутав автобусы, но меня приняли за своего, как уже не раз бывало.

По приезду народ собрался в банкетном зале. Залом оказалась довольно уютная комната квадратов на сорок. По залу были расставлены низенькие столики и кресла с диванами, на столиках стояли закуски и напитки, уже не в чайниках, а как и должно быть в бутылках. Я высмотрел столик на троих и мы сели с коллегами на низеньком диванчике рядом с этим столиком. Подбежал ловкий молодой человек и поинтересовался, что пожелают гости на горячее. Коллеги по моему совету пожелала самсу с сурпой, а я лагман.

Культурная программа состояла из двух солистов исполнителей народных песен. Они вышли в дорогих шелковых халатах и тюбетейках, один наигрывал на бубне, а другой пел народную песню. Потом вышло несколько молоденьких девушек в шараварах и тюбетейках и исполнили групповой танец. Почетные люди из числа хозяев и гостей произносили тосты, все пили и ели, конца этому застолью не было видно. Для устроителя этой конференции, зав кафедрой кардиологии Андижанского мединститута было не важно, что будут говориться на конференции и вообще она ему была абсолютно без надобности, важно то, что нужные люди сидят сейчас здесь и он с ними в одной компании проворачивает свои планы продвижения в Члены Корреспонденты Академии Медицинских Наук СССР. А остальные – это фон, массовка. Таковы правила игры, все

Дата и время создания документа: 12.03.2023 16:05:35, релиз №1

Автор, редактор и дизайнер документа: Dr. Alexander Wagner

© Общество одноклассников(выпуск 1968) с.Казыгурт/Ленинское. Все права защищены законом

Стр. 6/51

сидящие в зале знали эти правила и играли в эту игру. Посиделки медленно сворачивались и гости стали зевать. Я попрощался с коллегами и отправился к себе в панельную гостиницу.

На следующий день состоялась конференции, доклад сделали Бритов, потом математик, ученик всемирно известного Математика, Академика Колмогорова бородатый Др. Александр Деев, затем желающие по списку. После этого последовали прения и вопросы участников. Вопросы были какие-то непринципиальные. Я выступил с кратким резюме и задал свой вопрос. Очень конкретный и прямой. Поблагодарил Деева за ту замечательную компьютерную програму, которую они создали для статистического анализа собранных в 23 Центрах/филиалах данных. И спросил прямо могут ли они эту программу передать всем желающим для анализа своих данных. Зал взорвался аплодисментами. Деев начал мычать что-то невразумительное. Я поблагодарил его и пошёл на свое место. Профессор Обухова из Горького, мимо которой я проходил, встала и пожала мне руку. Лачинян со смехом сказал, что когда я задавал свой вопрос, то у Деева дергался ус.

На третий день я встал рано, взял свою сумку и вышел в утреннюю декабрьскую тьму на остановку у гостиницы, сел в подошедший автобус, идущий в аэропорт. В аэропорту было немного народа в этот ранний час. Какой-то старик в тулупе и меховом треухе грузил огромный деревянный ящик и ковры в грузовик и тот повез этот груз к недалеко стоящему самолёту АН-2. Наверное везет тело усопшего за границу, подумал я, скорее всего в Китай или Афганистан. Вскоре объявили регистрацию и затем посадку на ЯК-42. Через два часа я вышел в Алма-Атинском аэропорту, сел в 92-й автобус и поехал домой. Мне было немного грустно от этой командировки. Не из-за трех потеряных дней, а из-за чувства развала и деградации страны и снижения уровня и качества научных контактов.

Поездка в Институт Биофизики Филиал №5. Иркутск, июнь 1988 года

Однажды в начале июня 1988 года директор ВЦ Минздрава Иванов вызвал меня к себе и сказал, что скоро подойдут люди из Иркутского института Биофизики. Они появились через некоторое время. Это был директор Института Валерий Прусаков и зав отделом Минченко. Институт Биофизики Филиал №5 входил в состав 3-го главного управления Минздрава СССР и занимался специальными вопросами влияние внешней среды на здоровье населения. Под внешней средой понимались выбросы вредных промышленных предприятий, в том числе атомных электростанций. Институт находился в Ангарске и там таких предприятий было достаточно. Это были:

- Белково-витаминный комбинат
- Нефте-химический комплекс вывезенный из Германии после войны. Это был завод по производству бензина из каменного угля.
- Кроме того поблизости от Ангарска в тайге находился секретный ядерный реактор. От него в Ангари вливалась теплая вода, вода испарялась для охлаждения реактора. В канале с этой водой водились тропические рыбы.

Прусаков с Минченко участвовали в каком-то семинаре, который проводил Марат Кулманов в своем Центре. В Ангарском институте разрабатывалась Автоматизированная система «АНГАРА», которая анализировала влияние факторов окружающей среды на здоровье жителей этого промышленного города. Ангарск назывался городом победы и был построен заключенными и военнопленными после войны на берегах одноименной реки как промышленный и оборонный центр. Проектировали город ленинградские архитекторы в тайге на голом месте и он был разбит на кварталы по образцу города на Неве. Гости из Сибири рассказали о своей Системе, я спросил какое программное обеспечение они используют для разработки. Минченко сказал, что СОМИ. Больше вопросов у меня небыло, это уже красноречиво говорило об уровне системы.

Через некоторое время Кулманов с Максудом Кульжановым и я с Ивановым полетели в Ангарск для ознакомления с Системой «АНГАРА» и возможным заключением договора о сотрудничестве. Летели на рейсе «Бухара-Иркутск», самолет был заполнен туристами из

Германии. Они путешествовали по «Экзотическому кругу», так назывался этот тур. Он включал посещение старых городов Бухарского и Кокандского Царства и жемчужины Сибири Байкала. Взлетная полоса в Иркутском аэропорту ремонтировалась, поэтому большие самолеты не принимались. Долетели до Братска, пересели в Ан-24 и полетели на нем до Ангарска. В Аэропорту нас встретили и мы с ветерком проехали следующие 120 км до Ангарска на Институтском микроавтобусе. Поселились в гостинице в двухкомнатном номере. Марат занял одну комнаты, его зам и мы с Ивановым заняли кровати в другой. Утром приехала черная «Волга» директора и мы прибыли на ней в Институт. Расположились в зале заседаний и в течении 2 часов знакомились с Системой. Потом решали вопрос о научно-техническом сотрудничестве. Пообедали и снова засели за стол переговоров. Мои начальники ходили вокруг стола, а я выторговывал каждый рубль и уточнял каждую букву в договоре. Это было как та торговля плененного индейцами бледнолицого из рассказа Джека Лондона «Человек, потерявший лицо». К концу дня мы с Минченко утрясли договор и он был отдан для печатного оформления. Гостей отвезли в гостиницу, где мы передохнули и переоделись для банкета. Ужин в узком кругу на шестерых был заказан в ресторане, где подавали жаркое из медвежатины. Поужинав и пообщавшись в неформальной обстановке, гости вернулись в гостиницу. Утром подписали договор о сотрудничестве и гостей отправили на директорской «Волге» в Иркутск на экскурсию по замечательным местам.

В ноябре приехала делегация специалистов из Ангарска во главе с Минченко. Их приемом, размещением и обслуживанием занимались мы с Усеном. Максуд Кульжанов ушёл уже работать в Минздрав. Я решал со специалистами программно-технические вопросы. Сводили их обедать в корейский ресторан, обед я оплатил за счет своего кооператива. Усен в шутку сказал, что как бы после обеда не затыкать, котлеты здесь делают из собачатины, гости вздрогнули от такого известия и осторожно поглядывали на экзотические блюда. Я их успокоил сказав, что Усен шутит и съел у них на глазах маленькую котлетку. Потом посещали Кумысхану у парка Горького, ездили на Кок-Тюбе и посетили Государственный музей Казахстана. Напоследок сходили в баню «Арасан», я сделал фотографии в бане и отправил коллеге Людмиле в Ангарске. Она ответила, что весь Институт ржал над этой фотографией которую поместили в Новогодней стенгазете.

Фото №3. Коллеги из Института Биофизики (г. Ангарск) при посещении Алма-Аты у Государственного Музея Каз ССР, Ноябрь 1989. Слева от Александра Татьяна Ивановна, справа Минченко

Фото №4. Коллеги из Института Биофизики (г. Ангарск) при посещении Алма-Аты на Кок-Тюбе, Ноябрь 1989.

Фото №5. Коллеги из Института Биофизики: Сусанна и Людмила (г. Ангарск) и Александр с Данияром Алма-Аты, Ноябрь 1989

Кооператив «Алгоритм», октябрь 1988 года

В мае 1987 года вышел «Закон о кооперативной деятельности в СССР». Я внимательно прочитал этот закон в «Экономической газете» и понял, что наступил мой час. Все мои предыдущие побочные заработки были кустарны. Изготовление сетки, копание мыльного корня, формовка кирпича-сырца, облицовка «сральников» и кладка стен, печей и каминов, кровля крыш, написание контрольных и даже обработка данных диссертаций всё это было кустарщиной. Теперь предоставлялась возможность легально заниматься производственной деятельностью. Без начальства, самому, как ты того пожелаешь. Это был отличный шанс!

По натуре я был искатель и предприниматель в душе и такой шанс упустить не мог. Недолго думая я набросал устав кооператива, отпечатал в трех экземплярах и пошел во Фрунзенский райисполком Ама-Аты на регистрацию. Там на меня посмотрели как на марсианина и сказали, что они такими делами не занимаются. Я стал собирать информацию, прочитывал от корки до корки «Экономическую газету», другие центральные и местные газеты, вплоть до «Сельской жизни». Однажды мне попало объявление в «Вечерней Алма-Ате» о том, что Союз кооператоров Казахстана собирает собрание. Я побежал на Кирова и Масанчи, там в здании Мединститута нашел председателя этого Союза, большого вальяжного человека характерной наружности лет 45. Я накинулся на него с вопросами, тот предложил вступить в их Союз. Я сказал, что ещё не создал кооператив и не знаю куда надо обращаться для регистрации. Председатель объяснил мне процедуру и пригласил на 1-ый съезд кооператоров Казахстана. Съезд состоялся в здании Казгосфилармонии напротив Мединститута.

На съезд собрались авантюристы 1-го часа, искатели золота и приключений (на свою задницу), сливки общества. Это была разношерстная публика в возрасте от 18 до 80 лет, разного уровня образования, национальности, социального статуса. Общее у них было одно – сумасшедший огонь в глазах. Идеи у них были тоже сумасшедшие. Один устраивал теплицы на плоских крышах хрущоб, другой конструировал дирижабль, чтобы катать желающих над Алма-Атой, третий собирался открыть автомойку, четвертый лагманную на автобусной остановке. Народ был одержим своими идеями и лез напролом. Через неделю я собрал учредительное собрание кооператива.

Учредительное собрание провели в кабинете директора Научного центра, которым рулил Марат Кулманов, в сентябре 1988 года. Присутствовали сам Марат Кулманов, его зам Максуд Кульжанов, три коллеги-корейца, Кышпак, отец Володи Кима, бывший начальник финансового управления Минтяжстроя и я. Я зачитал устав, затем было избрано правление и стали выбирать

председателя. Кыпшак и корейцы не горели желанием стать председателем, Кулманов не мог, Максут также. Они боялись неизвестности.

Наконец я был выбран председателем, я не боялся новизны и неожиданности. Затем я заказал кооперативную печать, открыл счет в банке, для этого был принят на работу бухгалтер, мать Володи Кима. Итак, кооператив существовал, дело было теперь за договорами. Они не заставили себя долго ждать.

Первый гонорар, май 1989 года

Первый договор для кооператива я нашел быстро в институте Кардиологии в декабре 1988 года. Заказчиком был Егай, заведомо института, проект назывался «Анализ качественных показателей деятельности врача».

Необходимо было оценить влияние качественных показателей врача-кардиолога, таких как пол, возраст, квалификация, стаж работы и пр., на результат его деятельности. Задача была новая для меня и я взялся за поиски аналогов, перерыл литературу в библиотеке, наше книгу американского автора об «Анализе таблиц сопряженности» и затем отыскал в SAS соответствующую процедуру. Так я познакомился с «логитом» и логистической регрессией. Я сидел сутками над этой задачей и к концу мая завершил работу, выдал Егаю результат и пошел подписывать акт приемки работы.

Егай результат получил, но акт подписывать не спешил. я подождал неделю и вновь пошел в Институт к Егаю, тот начал вновь вилять хвостом. Меня охватило бешенство и я был готов выбросить Егая со второго этажа из его кабинета в окно. Тот поняв, что шутки плохи, улизнул, сказав, что ему надо к директору. Я взбешенный пошел к замдиректору по науке профессору Туленову и изложил суть дела. Туленов (Ташкентский узбек) был хороший врач и ученый. Туленов сказал секретарше:

- Ну ка найдите мне Егая!

Секретарша вернулась через несколько минут и сказала, что он уехал по делам.

- Ах прохвост, разозлился Туленов, он недолюбливал Егая за его лизоблюдство перед директором КазНИИ Кардиологии Рысмендиевым.

- Работа выполнена, деньги института, а он ими распоряжается как своими! Барин какой.

Туленов подписал акт, я поблагодарил его и отнес Акт в бухгалтерию. Главный бухгалтер Макеш сказала, что завтра переведёт деньги. Мы были с ней в дружеских отношениях. Через несколько дней мы с бухгалтером кооператива поехали в банк и получили зарплату. Зарплата составляла 5 тысяч рублей и полностью принадлежала мне. Мы приехали в ВЦ, я расписался в ведомости и получил пять пачек денег, в каждой пачке 1000 рублей. Это были огромные деньги, таких денег я ещё не держал в руках. Килограмм баранины стоил тогда на базаре 2-2.5 рубля, мой месячный оклад составлял 220 рублей. Таким образом я заработал за пять месяцев почти 20 окладов, тысячу в месяц. Да! Жить можно, сказал я себе. Я засунул пачки денег в карманы брюк и пиджака и сидел в обеденный перерыв слегка обалделый с растопыренными карманами. Затем пошел в сберкассау на Курмангазы и Пушкина, открыл там сберкнижку и положил на неё три с половиной тысячи, тысячу решил отдать Римме, а 500 оставил себе на развитие кооператива и другие накладные расходы. Расходы последовали незамедлительно.

После того как я организовал кооператив сотрудники ВЦ начали за мной пристально наблюдать. Всех жестоко мучал вопрос сомнений:

- Что из этого получится.

Ответа не знал никто и рисковать своей задницей тоже никто не хотел. Все хотели, как это обычно бывало, получать деньги не прикладывая рук. Не работая, не рискуя, но получая хорошие деньги. Это был принцип туенядцев и паразитов, а таких, как с удивлением открыл я для себя было подавляющее большинство в вычислительном центре. Всех жгло сомнение и любопытство.

Но времена наступили другие, для таких как я. Где правилом было: если не успел, то опоздал и куй железо, покауда не остыло. Я нащупал золотую жилу и вцепился в неё всеми своими

конечностями, зубами и когтями. Я учуял время, понял, что мой час наступил и у меня были все карты на руках:

- Клиенты из научных Институт Минздрава
- Известность среди научной общественности в городе
- Мировой лидер для статистического анализа данных SAS
- Большой опыт и серьёзные знания
- Трудолюбие и непоколебимая воля и вера в успех

Шло время, я крутился на работе и в кооперативе, никаких заработков не имел, были только затраты. Надо мной стали ехидно подхихкивать, говорить, что из моей затеи ничего не получится, что нас всех задушат, но даже самых отъявленных скептиков, глодал червь сомнения:

- А вдруг у этого упрямого и уверенного в своем деле немца получится? У него получится, а они останутся с носом? Как это можно вынести!

Слух о том, что я заработал пять тысяч рублей мгновенно распространился в ВЦ как степной пожар. Через бухгалтера, первым узнал

Фото №6. Наша троица в Госплановском лагере «Искорка»

об этом Володя Ким, через него все коллеги-корейцы ВЦ и их близкие друзья и подруги. Вообще, узнали все. Все стали мне завидовать и подавляющее большинство меня дружно возненавидело. Такое в моей жизни уже случалось, когда мне дружно завидовали и дружно ненавидели. Наверное это было моей судьбой. Я этого не замечал, мне вообще было наплевать на слухи, зависть и ненависть окружающих. Я жил по принципу:

- Имела жаба зуб на крокодила, но крокодилу это не вредило.

Получив свой гонорар, я решил обмыть первую получку в узком кругу кооператоров. Мы поехали с Валерой Тхя и Кыпшаком в ЦГ, купили коньяк, затем отправились на базар, там купили бараний задок, зелень, хлеб, напитки и поехали на такси в «Широкую Щель». Там нас на конечной остановке ожидал Роберт Ким, у отца его сожительницы была здесь дача и его сожительницы была здесь дача и кооператоры решили в эту пятницу отдохнуть на ней. Поднялись на гору, Валера занялся шашлычной жаровней, Кыпшак с Володиёй мясом, мы с Робертом накрывали стол. Наконец шашлык был нанизан на шампуры и жаровня была готова. Кыпшак уложил первую порцию на мангал и кооператоры присели за стол – скатерь растеленную на траве у домика. Я разлил коньяк, выпили за первую порцию. Затем выпили ещё раз, подоспел шашлык, стали пить за каждую новую порцию. Часам к десяти вечера все уже были хорошо на кочерге. Светила яркая луна, с гор тянуло прохладой. Роберт зажег керосиновую лампу и кооператоры затеяли игру в преферанс. Я засобиравшись домой, мы должны были ехать завтра в пионерский лагерь к детям. У соседского домика заурчал мотор автомобиля, Роберт договорился с соседом, что он за 10 рублей отвезет меня до дома. Я попрощался с коллегами и поехал вниз.

Утром у меня болела голова от выпитого коньяка, быстрого спуска с гор и плохой закуски, я не любил пить, закусывая шашлыком. От непрожаренного мяса с уксусом мой желудок бунтовал. Мы добрались с Риммой до «Саяхата», дождались автобуса в Тургеньское ущелье и через час были у «Искорки». Дети были на спортплощадке, увидев родителей они все трое бросились к ним бегом. Собрав троицу родители повели их в тень сада, разложили на траве гостинцы и стали разговаривать. Дети наперебой рассказывали им о своей жизни в лагере, о

бассейне, костре, кино, своих пионервожатых. Через три часа мы попрощались с детьми и пошли с горки на остановку. Домой добрались в седьмом часу вечера.

Научная конференция на теплоходе «Советская Россия», 1989 год

В мае месяце 1989 года я встретил случайно бывшую коллегу по Нефтебазу, красивую и рослую молодую казашку, она теперь работала в центре ВОЗ. Эта женщина закончила матфак

КазГУ, она болела туберкулезом и периодически по полгода отсутствовала на рабочем месте, лечилась в тубдиспансере или отдыхала на курорте. Она мне сказала, что собирает тезисы докладов на всесоюзную конференцию по медицинской информатике и кибернетике, которая состоится в сентябре этого года в Киеве. Я за два дня написал тезисы доклада по теме логистической регрессии, собрал подписи директора и начальника отдела кадров и отнес их в Центр ВОЗ. Через пару месяцев я получил программу в которой значился мой доклад в первый день конференции на пленарном заседании.

В сентябре я отправился в Киев на конференцию. Собралась целая компания желающих поучаствовать. Кроме меня был Казбек, летевший с вполне определенной целью в Киев. Конференцию проводил его научный руководитель, Озарий Петрович, ученик Амосова, ставший доктором наук в 34 года. Само собой человеку с улицы даже очень талантливому трудно, почти невозможно стать в 34 года доктором медицинских наук.

Фото №7. На берегу Днепра в ожидании посадки на теплоход «Советская Россия». Киев, сентябрь 1989.

Кроме таланта здесь нужна мощная поддержка или как говорилось тогда «мохнатая лапа». Мохнатая лапа у Озария Петровича была и не одна. Во-первых шеф - известный академик и беллетрист Амосов, пионер биокрибики в Союзе, а во вторых папа директор крупнейшего металлургического комбината на Украине. Была пара административных деятелей из Минздрава Каз ССР, бурбон Аргымбаев - зам министра и Дюсебай, кроме того беременная молодая дама и друга дама уже не первой свежести, затем уже в Киеве присоединились два Джамбульца.

Летели прямым рейсом Алма-Ата-Киев с посадкой в Минводах, хорошо известный мне маршрут по 1979 году.

Прилетев в Киев Казбек повез меня на квартиру к шефу, он доставлял ему фонари к «Волге» и Алма-атинские яблоки (подарок за руководство его кандидатской под названием «Кластерный анализ школьников»). Шеф жил в старом городе на Подоле. Оставив ему гостинец из А-Аты мы с Казбеком поехали в аспирантское общежитие к родственнику Казбека из рода «Торт Кара». Родственник жил в отдельном номере с клозетом и душем, на стене у него висел большой календарь с голыми красотками. Сентябрьская красотка с голыми грудями прикрывала свое срамное место теннисной ракеткой, сквозь сетку ракетки проникали волосики растительности. Такого мне видеть ещё не приходилось. Вниманием девушек родственник не страдал, пока мы Казбеком располагались на его квадратах, сооружая себе ночлег, к родственнику заглядывали соседки-аспирантки. Наверное им очень нравился календарь.

Немного устроившись Казбек вынул приготовленные для родственника степные деликатесы, т.е. мясо разных сортов. Потом родственник жарил картошку, а мы с Казбеком сходили в близлежащий гастронорм за выпивкой. Жаренная картошка с мясом была хорошей закуской уставшим путешественникам, которые снимали усталось и стресс 40-градусными

каплями по 100 грам в посуду. Затем мы пили традиционный казахский чай со сливками и поздно ночью легли спать, Казбек на диване, а его родственник и я на полу.

Перекусив утром у родственника мы отправились на пристань и взошли на речное судно «Советская Россия». Конференция проводилась на воде, очень удобно, никто из участников не убежит с докладов. Правда была опасность, что какой-нибудь не совсем трезвый ученый мог выпасть за борт в чудный Днепр, но до этого не дошло. Мы заняли двухместную каюту на средней палубе и пошли осматривать ковчег. Теплоход был большой и пассажиров насобиралось более двухсот.

Фото №8. В кают-компани с участниками научной конференции на теплоходе «Советская Россия». Киев, сентябрь 1989. Слева направо: Вагнер, Рогодзянская, Кочаров, Адольф, Зайцева

К 10 часам расселение водоплавающих ученых было в основном закончено и состоялось открытие конференции. Затем состоялось несколько пленарных докладов и в 12 часов по морскому порядку пассажиры потянулись в ресторан. Казахстанская делегация держалась вместе, обедали за одним большим овальным столом. После перерыва конференция продолжила свою работу. Мой Доклад состоялся в 14 часов. Я доложил о работе, показал несколько таблиц, графиков и формул на трех больших ватманских листах. Последовало несколько вопросов. Бутенко, зам Озария Петровича поинтересовался при помощи какой программы были обработаны результаты. Я сказал, что с помощью SASa, у того поднялись брови от удивления. В перерыве ко мне подкачила какая-то полноватая брюнетка из Курска и стала выпытывать как я всё просчитал и не соглашусь ли я ей помочь обработать данные её докторской диссертации. Я дал ей телефон и свой домашний адрес, сказав, что ему вначале надо посмотреть на её данные.

На 7 был назначен вечер знакомств и отдыха. Без четверти семь мы отправился в большой зал, там собирались принаряженные участники конференции.

Как будем делить премию

Вернувшись из Киева я вновь с головой ушел в работу. Работать приходилось на два фронта. С девяти и до шести вечера я работал в ВЦ, после окончания работы шел в другой ВЦ и там еще часа четыре работал над своими кооперативными договорами. Их у меня было уже достаточно и я разрывался на несколько договоров. Часто ко мне в ВЦ приходили заказчики и мы разбирались с ними в выходных результатах. В субботу я также шел на работу, или к себе в ВЦ или на ЭВМ в другом месте или к заказчику. В будние дни я редко появлялся домой раньше двенадцати ночи,

в субботу обычно после трех. Я получил известность в Алмате как грамотный, надежный и аккуратный Биостатистик.

Я пытался привлечь других членов кооператива или других сотрудников ВЦ к работе. Тщетно! Никто не брался и это было загадкой для меня.

- Почему они не хотят подзаработать, недоумевал я.

- Ведь не особо надрываясь можно ещё один оклад в месяц иметь. Непонятно почему они такой благоприятный момент улучшить свои финансы не хотят использовать. И, главное не надо заниматься посторонним, не своим делом. Пару лет назад Кыпшак, Володя и Турсун прирабатывали после основной работы на строительстве бани «Арасан». Что они там делали мне было ясно без их рассказов и что они там получали мне было тоже ясно. Это была очень хорошо мне знакомая работа спинным мозгом.

По истечению первого года деятельности кооператива произошел знаменательный эпизод с дележкой прибыли. Условия накопления прибыли в кооперативах были тогда очень хорошие и у кооператоров образовалась солидная сумма по этой статье. На годовом собрании я как председатель кооператива задал вопрос его членам, на что направим прибыль. Мне ответили единогласно - на премию! Тогда я спросил о том, как будем делить премию. На этот вопрос мне ответили словами Шарикова – поровну! Я также как и профессор Преображенский слегка «обалдел» от простоты способа дележки и загрустил. Я целый год надрывал мозги, после окончания рабочего дня в ВЦ шел еще часа на 4 работать «на себя», домой приходил за полночь только ночевать, «оттягивался» лишь на даче по воскресеньям или по праздникам. Теперь же люди, которые играли в пинг-понг до седьмого пота или курили до одури и резались в нарды по окончании рабочего дня, претендуют на премию. У них не хватило ни ума ни терпения достроить душ состоящий из четырех стоек обтянутых рогожей и бочкой сверху, строительство которого они затеяли во дворе ВЦ, чтобы смывать с себя пот после тяжелых упражнений с целлюлоидным шариком. Выручил меня Валерий Тхя, который с присущей шизофреникам непосредственностью сказал: «Ничего себе! Целый год дурковали, теперь им еще премию подавай!» Эти люди были лучшими специалистами ВЦ, но работать они не умели. Я безуспешно пытался их привлечь, вынужден был отказываться от очень выгодных договоров. Всё тщетно! Тогда мне стали очень понятны слова из горьковского «Фомы Гордеева»: «Наше? Нет, не наше. Твое!» Вот в чем разница между «наше» и «мое», между социализмом и капитализмом. Через некоторое время я занялся ликвидацией кооператива и созданием «Малого индивидуального предприятия», закон о них уже вышел.

Туссовка доктора Манделя

Как всегда бывает в жизни у меня появились конкуренты, на этот раз в области Прикладной математической статистики. Во второй половине 80-х зав кафедрой статистики Алма-Атинского Института народного хозяйства Игорь Давидович Мандель и его команда в составе 5-7 человек разрабатывала на языке Паскаль систему статистического анализа. Я в это время кувыркался с SASом и мне было смешно смотреть на столь глупое занятие неглупых вроде бы людей. Свою систему, которая отдаленно напоминала одну единственную SASовскую процедуру PROC FREQ, они все же довели до промышленного уровня и внедрили в нескольких фирмах в Алма-Ате. Всучили и ВЦ Минздрава КазССР, через их соплеменника зам директора, несмотря на моё яростное сопротивление. Они были мне не конкуренты, хотя их было семь, а я один, такое тоже бывает. У них страдал маркетинг и не было хорошей стратегии, а я играл в долгую и по крупному. Это были умные, интеллигентные люди, «но страшно далеки от народа», по выражению В.И.Ленина. А я был самоучка с крестьянскими корнями и армейско-пролетарским прошлым и подозрительной национальностью. Но у меня был лучше организован этот самый маркетинг и возможно, головной мозг.

Директор моего малого предприятия выходец из Южно-русской окраины, «запорожец» Кравченко перебежал позже на сторону конкурентов и они стали пастись на моей поляне. Нет, до научных институтов они не дошли, там у меня всё было схвачено через земляков-ученых, да и

эти богоизбранные чистоплюи в принципе не были способны к диалогу с таким специфическим научным контингентом. А я чувствовал в обществе своих заказчиков как рыба в воде. Это было искусство, большое искусство. Этому искусству не научат в университетах и на семинарах. Там не научат пить водку и заедать шашлыком с полковниками из штаба Министерства Обороны и зам директорами Научно Исследовательских Институтов. Не научат сидеть на кухне у докторанта и поедать специально для тебя приготовленную на сковородке жареную картошку и пить отличный чай по казахски. Тебя просто не пригласят на эту кухню, потому что ты чужой. Ты не будешь ночевать в квартире у коллеги или докторанта и тот тоже не будет у тебя ночевать. Ты не будешь помогать в строительстве дачи коллеги, вернее его отца – учителя Президента страны. Не будешь на этой даче готовить дембельский замес с этим коллегой и его друзьями для заливки пола в дачном домике. Не будешь потом есть бешпармак у его родителей и запивать это водкой. Ты для них чужой, а я был свой, как говорят в доску, мне доверяли и верили. Я для них был надежен в делах и дружбе. В этом и был мой главный секрет и моё главное оружие. Люди это быстро понимали, даже враги. Это приносило хорошие дивиденды и не только в деньгах. Хорошие дружеские отношения сохранялись десятилетиями. В Германии это оружие тоже работало безотказно и здесь мне тоже верили и доверяли.

Неумные люди которые либо недооценивали меня, **либо** пытались мне пакастить, как правило были потом наказаны. Хитроумный Земляк Усен лишился Монографии, так как не посчитал нужным договариваться со мной, а я смог договориться с Сакбаевым и спас его и монографию. Орманбек потом рассказывал, что ему приснился сон, что он тонул в море, но появился Саша, взял его за руку и вывел на берег. Ну, блин, Иисус Христос!

Что же касается конкурентов-изобретателей собственной PROC FREQ, то они в полном составе преселились в страну «Желтого дьявола» и я встречал потом SASовские статьи за подписью Манделя, а его главный конструктор Илья Липкович работал в конкурирующей с MSD Фармо-фирме опять же на SASE. Но в своем послужном списке не забывал указать, что разработанная им система «Анкета» внедрена в ряде стран СНГ. Слыхал ли кто-нибудь о такой? Я пришёл к выводу, что мои старые знакомые-конкуренты и в США не особо себя утруждают заботами о хлебе насущном и никакие системы на продажу больше не создают. Им это ни к чему.

Кто хочет быть директором. Осень 1990 года

В конце 80-х годов мне вновь пришлось столкнуться с проявлением коллективного разума и воли. В ВЦ Минздрава освободилось место директора. Меня вызвал замминистра Александр Яковлевич Х. и предложил занять эту должность, я подумал немного и согласился. До этого были опрошены некоторые люди, близко знающие меня, в том числе Аман и профессор Телемтаев. Я был уверен, что мнения о нем были высказаны не во всех случаях объективные т.е. положительные или даже хуже того, может быть как в случае с Марком Твенном во время его сватовства, убийственные.

В те времена были введены в Союзе дурацкие правила выбора трудовым коллективом руководителя. Тут всё и завертелось, ВЦ несколько месяцев не работал. Прокатили одного и второго и третьего претендента. Я свою кандидатуру не выдвигал, справедливо полагая, что если Минздрав предлагает мне эту должность, то пусть и назначает тогда. Так или иначе, но после того как список претендентов был исчерпан меня вновь вызвали в Минздрав. В ВЦ наступило затишье, близкое к панике, когда я через несколько часов вернулся на ул. Городская, 5, то там меня на крыльце встречали с поклонами несколько активных лидеров избирательных партий. Они были уверены, что это идет новый директор.

Но я отказался от должности и через некоторое время покинул ВЦ, чтобы не мешать наконец найденному директору, другу и однокурснику Кыпшака. Люди, которые меня рекомендовали на эту должность, упрекали меня потом, что я зря отказался от поста руководителя республиканской организации. Но мне после всех этих комедий с выборами стало совершенно ясно, что меня ожидает – лишние седые волосы, язва или инфаркт, конец мечтам о диссертации и ликвидации моего малого предприятия. Вышло даже хуже – ВЦ через несколько лет окончательно развалился,

а я благополучно отбыл на «историческую Родину», которой мне было бы ни в коем случае не видать будь я хоть два дня директор. Дело в том, что в Германском законе «О последствиях войны и изгнанных немцах» есть замечательный 5-тый параграф, в котором говорится о том, что немец занимавший руководящий пост (неважно какой) в СССР или другой соцстране, служил тоталитарному режиму и пользовался привилегиями и поэтому не может быть признан изгнанным и впущен в Германию. Других категорий беженцев это правило не касается. В общем, госпожа Судьба и Провидение меня уберегли.

После того как я отказался от должности директора, то лидеры избирательных партий вздохнули облегченно и стали распространять слухи о том, что Вагнера не назначили директором, потому что он немец. А немцы как известно предатели. Хотя предателями страны СССР оказались другие, а именно: Генеральные секретари ЦК КПСС, Президенты и офицеры КГБ высокого ранга. Это факт давно известный честным думающим людям.

Республиканская Санитарно-Эпидемиологическая Станции (РСЭС) Минздрава Каз ССР

Я покинул ВЦ Минздрава осенью 1990 г заранее обговорив себе должность в РСЭС. Прежде чем окончательно решиться на переход в РСЭС я посоветовался с Усеном и тот дал мне толковый совет, сказав что я должен быть принят в РСЭС в порядке перевода из ВЦ Минздрава. С тем я и отправился к Валерию Красникову, зам главного врача РСЭС. Тот долго крутил своим толстым задом и наконец подготовил приказ о переводе на бланке Минздрава. Его подписал Главврач РСЭС Мейер и вручил мне, сказав чтобы я ехал на квартиру к Клебанову, он сейчас дома, так как болен гриппом. Я сунул приказ в портфель и поехал на троллейбусе к парку Горького. Там недалеко от старого здания РСЭС в минздравовском доме жил Яков Аркадьевич Клебанов. Дверь открыла импозантная дама, я представился и она крикнула в квартиру: «Это к тебе от Мейера». Появился Яков Аркадьевич, поздоровался, подписал приказ в коридоре на комоде и пожелал мне успехов в работе.

Проработать под началом Мейера и Клебанова мне пришлось недолго, через полгода их обоих сопроводили на пенсию. Вместо Мейера главврачом РСЭС назначили Майдана Спатаева, а замминистра Андрея Реймера из Целинограда. Вскоре и министра сменили, им стал Девятко, а одним из замов мой старый знакомый Максут Кульжанов.

Но вначале о деятельности в РСЭС. Мне в отдел досталось несколько дам из орготдела, занимающихся сбором эпидемиологических данных и составлением недельных месячных и прочих отчетов о заболеваемости в Республике. Через некоторое время мне сунули по протеже главного инженера ВЦ Минздрава М. его племянника Диму. Мальчик был не глуп, но страстно любил компьютерные игры и проводил всю время уткнувшись носом в компьютер лихорадочно стуча по клавишам. От него не отставал и Евгений К., то ли мой шеф то ли соглядатай.

За долгие годы работы в различных мульти- и мононациональных организациях я вывел для себя закономерные стили организации и руководства таких организаций. Для организаций с руководящим составом состоящим из лиц ближневосточной национальности было характерно «размытое» или сетевое руководство, многие вопросы решались под ковром, РСЭС была такой конторой.

Первое время дела шли ни шалко ни валко, Красников щюрил свой левый глаз, чего-то комбинировал в своем ожиревшем мозгу, вечно писал какие-то бумаги, вел бесконечные заседания и пас входящих и выходящих из кабинета главврача. Дверь его была через предбанник и всегда открыта. После того как назначили Реймера дела пошли гораздо быстрее.

Реймера Андрея Андреевича назначили Замминистра, а Майдана Главврачом, я зашёл случайно в кабинет К. В нем в сумраке истекающего зимнего дня сидели двое, сам хозяин кабинета и Валера Красников. Физиономии их были печальны, даже траурные, они видать выпивали с расстройства. Мне стало понятно, что ребята раскатали губу на повышение, но их элементарно пнули как шелудёвых псов. Времена менялись, их диаспора теряла свое влияние в Казахстане и не успела ещё перегруппироваться.

АСУ «САНЭПИД», директор Кравченко

Я не упустил свой шанс, договорился о приеме у замминистра Здравоохранения Реймера и в один прекрасный день мы с Кравченко оказались у него в кабинете за разговором. Разговор был недолгий, Кравченко как директор моего собственного малого предприятия «Альтернатива» предложил Реймеру создать АСУ «Санэпидстанция» за год и за очень небольшие деньги. Реймер согласился и попросил подготовить договор. Мы вышли от замминистра и от возбуждения на всех парах за считанные минуты добежали до квартиры Кравченко, там он достал заветную бутылку сухого вина и мы отпраздновали удачную сделку. На следующий день договор был у Реймера и через некоторое время лежал подписанный у меня в сейфе.

Дела закрутились. Параллельно шло оборудование компьютерного зала. Через Минздрав был заключен договор с какой-то хитрой фирмой на поставку компьютеров и через некоторое время они привезли 30 компьютеров в РСЭС. Часть были установили в зале, а остальные стали рассылать по областям. Затем я вышел на ребят из Москвы, которые поставляли модемы для передачи данных по телефонным каналам связи. Связался с ними и они прилетели в Алма-Ату. Два отставных морских офицера-связиста с украинскими фамилиями, москвичи-запорожцы, как они себя иронично называли. Ребята были толковые, они смонтировали несколько модемов в компьютеры в машинном зале, затем один из них смотался в Талды-Курган и оттуда проверил связь. Через некоторое время я получил весь заказ модемов. Затем стали вызывать из областей ответственных за передачу и обработку данных в РСЭС и проводить их обучения. Предварительно были созданы штатные должности инженеров АСУ в областных управлениях. Параллельно шла программная разработка. Через год система, как и было условлено, заработала. В декабре 1991 года МП «Альтернатива» сдало систему «САНЭПИД» в эксплуатации приемной комиссии Минздрава. Я получил соответствующий Акт внедрения в нескольких экземплярах и положил в свой сейф в папку актов внедрения, которая к этому моменту была уже внушительного объема. В ней лежали Акты на три отраслевые системы и на множество рядовых областных АСУ.

Система «САНЭПИД» была создана по всем правилам науки и искусства. Без всякой «Биохимии яйца» и «Поточной технологии». Без бессмысленных планерок, заседаний и споров о «Перекосе фаз», без перепиныывания ответственности с одного бездельника на другого. Она была создана за год, это были неслыханные темпы в истории разработки и внедрения отраслевой АСУ не только в Республике, но и в бывшем Союзе. Я был архитектором и создателем этой АСУ, это было моё детище. Остальные участники были либо заказчики, либо исполнители. Я был стратегом с первой и до последней минуты создания этой системы. Тот опыт и знания, который я приобретал и наработывал в течении последних 16 лет в различных проектных институтах и вычислительных центрах был мой капитал и оружие. Самое же главное было то, что очень своевременно и точно был выбран момент старта работ и персона принимающая решение.

Не Майдан и не Красников и не старая гвардия в лице Клебанова и Мейера, а Андрей Андреевич Реймер. Он тоже был готов к революционным переменам в отрасли, в этом сонном царстве. Как-то ещё до подписания договора на создание системы, я разговаривал у него в кабинете по каким-то техническим делам АСУ и после окончания беседы вышел из здания, за мной вышел Андрей Андреевич и сказал, что он идет в Совет Министров и мы могли бы пройтись по теннисной аллее вместе, это по пути. В течении этой 10-минутной прогулки Андрей Андреевич, а мы были одноклассники, задал несколько вопросов по теме АСУ и персоналиям. И получил полный и точный ответ. После этого я понял, что с Реймером можно работать, тот видать тоже понял, что на меня можно положиться, скорее всего он собрал дополнительную информацию о моей персоне через своих одноклассников-коллег. Самое главное, что он вероятно понял, что я не принадлежу ни к клану Майдана, ни, образно говоря, к клану Красникова и Ко. Поэтому вскоре после этой беседы у меня и родился в голове план действовать напрямую через Реймера. Я не ошибся и Реймер тоже.

На моей стороне было Время. Грубо говоря я оказался в нужное время в нужной точке и мастерски использовал эту ситуацию инициировав процесс создания отраслевой АСУ. Вернее даже то, что я эту точку сам определил каким-то образом. Это было озарение. В будущем такое

озарение повторялось. Многие специалисты пишут о научной интуиции, возможно это и было научной интуицией. Или какой-то другой интуицией, не важно. Главное это сработало и сработало потом ещё не раз в будущем. Значит это уже не интуиция, а личностное качество. Это был шанс и мне удалось использовать этот шанс с безупречной точностью и прагматичностью. Удалось использовать свои дипломатические и менеджерские качества. Потом был уход из РСЭС, но это было потом, когда система была внедрена и началась рутина по её эксплуатации, это не было сферой моих интересов. Этим могут заниматься другие люди, дисциплинированные исполнители, стратеги тут не нужны. Майдан и Красников были задействованы по полной, но они были исполнители и не владели инициативой, над ними был Реймер. А надо мной не было никого кроме Всевышнего. Они были люди Административной системы, люди с психологией бюрократов и жуликов. Майдан пытался отщипнуть что-нибудь для себя в карман, но я посылая к нему на все разговоры о создании Системы «САНЭПИД» своего директора Кравченко. Это тоже была очень удачная моя идея. Кравченко просто посылая Майдана подальше, когда тот затевал такие разговоры об откатах. Однажды Майдан попытался и со мной этот трюк проделать. Я ему сказал, что пожалуйста, я могу устроить его жену к себе в МП и платить ей ту сумму, на которую договоримся. Майдан понял, что голыми руками тут Вагнера не возьмешь, а рисковать «мертвой душой» своей жены он опасался. Это был крючок, хороший крючок. Проглотишь и повиснешь. Усен сообщал потом мне о своих беседах в кабинете Майдана:

- Ты, немис, мы с твоим начальником опять говорили о тебе. Он всё интересуется твоим МП. Мне было абсолютно наплевать на эти интересы, я знал, что действую по правилам и никому ничего не должен, в первую очередь не должен своему начальству. Пусть интересуется, многие со дня создания кооператива интересовались моими делами и доходами. Как говорится: «Меньше будешь знать – крепче будешь спать».

Когда в 2020 году в разгар Корона-Пандемии появились тысячи статей и десятки Автоматизированных Информационных Систем на тему Корона-Вируса и его анализа и прогноза, то я с сарказмом и снисходительностью смотрел на всю эту мышиную возню. Ровно 30 лет тому назад я со своей командой из 7 молодых и очень толковых разработчиков создал и внедрил Автоматизированную Информационную Систему на более масштабном уровне и с более коротким временным циклом сбора и анализа данных, чуть ли не в реальном масштабе времени. То, что теперь демонстрировали на всех углах разные Роберт-Кох-Институты, Джон Гопкинс Университеты и прочие светочи Науки по масштабу и в подметки не годились той Системе начала 1990-х годов.

Красников, Майдан и другие

Валерий Красников был моим ровесником, мы с ним в одну неделю октября родились. Но мы были полными антиподами. Он был принят в РСЭС одновременно с Валерием Якубовым. Тот был тоже 1950 года рождения, очень неглупый, порядочный и практичный человек. Красников до этого работал санитарным врачом на железной дороге, Ниязалы Жакашев его очень хорошо знал и говорил, что он по протекции его начальницы единовверки попал в РСЭС. Ниязалы можно было верить. Валера был женат, имел дочь Валерию. В послеперестроичные времена выучил её на финансистку в забугорном Университете и говорил, что сделать карьеру ей трудно, так как для этого надо быть мужиком. Он был, наверное, прав, хотя не абсолютно. Моя младшая дочь выучилась на Математика-финансиста в Мюнхенском Университете и сделала очень неплохую карьеру в Германии.

Валера был очень гибким и услужливым начальству человеком, имел хороший нюх, обладал живым умом, неплохо излагал свои мысли письменно, хотя делал это довольно занудно и с бесконечными пережевываниями фраз, что не прибавляла доказательной силы его писанине. Он был в этом отношении, как всякий бюрократ, трусоват и очень боялся попасть впросак. Ему не хватало решимости, а это при прочих равных условиях очень существенный недостаток. Кроме того такая тактика была и проигрышная, если требовались решительные и энергичные действия. Валера хотел действовать наверняка, всегда был готов свильнут, точнее предать ради своей

выгоды. Исходя из этого он был вечно вторым, на роль первого он не годился. В этом отношении он проиграл Валерию Якубову.

Я его достаточно быстро распознал и он меня тоже, понял, что со мной можно иметь дела и не проиграть. Когда затеялась канитель с «ОАСУ Санэпид» Валера понял её перспективность. Сам он был не в состоянии организовать весь процесс, особенно на ранней его стадии, как принято говорить на концептуальном уровне. Но он вовремя подключился и внес весомый вклад в организационную и рекламную часть проекта. Я подсовывал ему свои готовые решения, тот наморщив лоб долго обмусоливал словесную шелуху и затем подписывал нужный приказ, письмо или протокол. С ним можно было работать, он четко понимал свою выгоду и на эту наживку его можно было ловить не боясь ошибиться. Я писал научные статьи и всовывал в первые авторы Майдана, затем Красникова, сам был последним в списке. Как-то директор Института Гигиены и Профзаболеваний профессор Козловский спросил шутя: «Саша, а Майдан в курсе, что он первый автор этой статьи?» Профессор хорошо знал Майдана, учился с ним, мы с профессором тоже работали и хорошо знали друг друга и ладили.

Мне от начальства ничего не было нужно, мне нужна была свобода действий и я её имел. Ездил на конференции, командировки по своим делам науки и бизнеса, принимал клиентов и внешних игроков и участников у себя в кабинете. А то, что было нужно вам – это ваши проблемы. Когда проект был завершен, то Валера с Майданом решили, что я им больше не нужен. Но я давно об этом знал и предвидел такой исход, поэтому и ушёл без сожаления из РСЭС. Они мне тоже не были нужны. У меня была своя игра и Валера с Майданом не были в неё допущены, так было надежнее. Они, конечно, подозревали об этом, но как-то ущемить меня не могли. Это их видать раздражало, особенно Майдана, но приходилось с этим мириться. Мой уход выгоды им никакой не давал, лишь одно их успокаивало, что непокорный раздражитель и неподвластный им конкурент исчез.

В конце 1992 года я подал заявление об увольнении, одновременно передал зам министру А.А.Реймеру письмо с подробным описанием причин своего увольнения. Таков был мой жизненный принцип: **Всё объяснить и доказать фактами.** Зам министра и так прекрасно знал, кто есть такой Главный врач РСЭС, но это был дополнительный взгляд изнутри от человека, который достаточно хорошо осведомлен в делах информатизации отрасли и хорошо знает о слабых местах этой информатизации, да и о руководстве тоже. Кроме того – это был ещё и мой незыблемый принцип - ставить точки в конце предложения или истории. То есть, рассказывать объективно и без эмоций о сути происходящего и причинах своего ухода. Уходить как побитый пес был не мой стиль. **Либо хорошо – либо со стрельбой, как в хорошем ковбойском фильме.**

В 2000 году по приезду в Алма-Ату я зашел в РСЭС, повстречал старых коллег, узнал о том, что бывший зам. министра Я.А.Клебанов умер, а также о том, что зам главного санитарного врача Казахстана Валерий Красников защитил кандидатскую диссертацию по системе «САНЭПИД», а главврач докторскую. Так вот оно в чем дело, я вам просто мешал тогда! Мавр сделал свое дело – мавр должен уйти. Но дело в том, что Мавр заранее всё это знал и предвидел такой исход. Система работала стабильно, но мои кадры были все уволены или ушли в другие более приличные фирмы. Для написания диссертаций в РСЭС был принят на должность зам главврача Д.м.н., профессор В.А.Козловский, бывший директор НИИ Гигиены и профзаболеваний. Самим диссертантам заниматься диссертациями было некогда, так как они в это время успешно торговали вакцинами для прививок против дифтерии, гриппа и пр. Возможности для этого у них были и бизнес процветал, а кривая инфекционных заболеваний ползет ещё и сегодня неуклонно вверх и поворачивать вниз не собирается.

Валера потом, уже в году 2004 при встрече в РСЭС гордо сообщил, что он преподает в «Школе здоровья», защитил кандидатскую и планирует писать докторскую диссертацию. Я послушал его речь и подумал: «Да это серьёзные достижения, но дорога ложка к обеду. На дворе 21 век и ваша наука никому уже не нужна! Она вообще нигде уже не нужна». Но Валера и его компания хорошо обогатились на лекарственной торговле, обогатились на страданиях и за счет простых людей.

В 2009 году в последнее посещение РСЭС я узнал от Руфины И. и коллеги о том, что Валера помер. Вот так, от судьбы не уйдешь! Майдана давно уже ушли с должности, он не вписался в новые условия, был слишком жаден до денег и примитивен в методах их извлечения.

Научно-исследовательский Институт Гигиены и профзаболеваний

С этим Научно-исследовательским институтом меня связывали долгие годы сотрудничества. За 10 лет мне повезло поработать как минимум с 4-мя директорами и 4-мя замами не считая дюжины заведующих отделами и ведущих сотрудников института. Это сотрудничество началось с первых дней моего пребывания в Вычислительном Центре Минздрава в роли начальника отдела «Разработки и внедрения научно-исследовательских задач». Институт находился в Академгородке чуть ниже проспекта Аль-Фараби и левее проспекта Гагарина, если двигаться по нему с севера на юг в сторону гор. От проспекта Аль-Фараби ходьбы было минут 7, а от проспекта Гагарина 12-15 минут, в этом случае надо было пересечь старый яблоневый сад. Институт был разбросан по многочисленным одноэтажным и двухэтажным зданиям, где помещались рабочие помещения, лаборатории и клетки с опытными животными.

Фото №9. С коллегами НИИ Гигиены во время банкета по поводу защиты докторской диссертации Шамиля Иминалиева. Крайний справа в темных очках Жанат, справа от него Орманбек Сакбаев, третий слева Данияр Исаев

По пути в сторону ул. Гагарина находился большой яблоневый сад, Профессорский сад, как я его для себя называл. Товарищи ученые часто от трудов праведных или по случаю предзащиты диссертации, просто дня рождения или предраздничного дня шли в этот сад и проводили научные дискуссии. Эти беседы очень хорошо описаны у крупного советского ученого, писателя и диссидента Александра Зиновьева в романе «К сияющим вершинам». Обычно дискуссии начинались с тоста за науку и процветании НИИ, затем следовали беседы на актуальные научные, политические и кадровые темы. Гастроном с горячительными напитками

был в 200 метрах, а дежурный стакан для разлива напитков у кого-нибудь в портфеле. Участниками этих неформальных ученых заседаний были:

Заместитель директора - Доктор Медицинских наук Турлубеков.

Доктора и Кандидаты медицинских наук:

зав орготделом и парторг к.м.н. Жанат Тотанов.,

завотделом и председатель профкома к.м.н. Серик Т.,

Научный сотрудник к.м.н. Орманбек Сакбаев,

Зав отделом д.м.н. Ниязалы Жакашев,

Главный Научный сотрудник д.м.н. Данияр Исаев,

Зав отделом д.м.н. Шамиль Иминалиев,

Главный Научный сотрудник к.м.н. Турсунбай Калжеков,

Научный сотрудник к.м.н. Салих О.,

другие ведущие ученые в Области общей и социальной Гигиены.

Некоторые участники неформальных ученых заседаний изображены на фотографии во время банкета по случаю защиты докторской диссертации Шамиля Исиналиева. Я был почетным участником этих дискуссий, так как я был математик, признанный авторитет в научном анализе данных Здравоохранения в Республике и вообще свой человек. Другие лица некоренной национальности в этот узкий круг допущены не были.

В Институте были согласно классики две враждующие партии ученых, созданных строго по национальному признаку. Одна партия «Почвенников» или «Местных», то есть коренных жителей страны, и другая партия «Чужих», состоящая на 100% из граждан иудейской веры. Вождем почвенников был Жанат Т., его папа был в свое время Секретарем обкома КПСС в западном Казахстане и Жанат хорошо знал партийные дела и прочие ходы-выходы в этой сфере. Другим активным лидером был Серик – председатель профкома. Они держали директоров Института железной хваткой за горло и регулярно проводили идеологические обработки на совещаниях в их кабинетах. Ребята были далеко не промах, но у них был дефицит хороших, современных, перспективных и неожиданных идей. У меня идей было через край и чуть ли не на все случаи жизни и я щедро ими делился. Реализация этих идей очень укрепляла авторитет вождей.

Вначале я предложил Жанату создать мини-вычислительный Центр для анализа данных научных разработок института. Жанат как начальник орготдела внес эту идею на ученый совет Института и с пафосом и идеологической подоплекой очень авторитетно доказывал пользу такого решения. Ученый Совет решил такой Центр создать, назначить меня руководителем (по совместительству), выделить помещение, а все компьютеры из отделов забрать и поместить в этот Центр. Противная партия возопила о несправедливости, но Жанат с моей подачи стал говорить, что в отделах нет охранной и пожарной сигнализации и часто компьютеры простаивают из-за недогрузки. Нет координации обучения специалистов, техобслуживания, сопровождения программного обеспечения и прочее в этом же духе. Серик тоже аргументированного и с пафосом произносил речи, у него был свой интерес, он стоял в очереди ко мне на обработку данных его докторской диссертации. В конечном итоге победила партия «Почвенников». Вес Жаната серьезно повысился. Он опять же с моей подачи назначил ответственную даму из своего отдела по учёту времени использования компьютеров. Та завела журнал, получила ключ от Компьютерного Центра и регулировала поток пользователей компьютеров. Я разработал курс и провёл обучение технического персонала из числа секретарш и лаборантов методам работы с компьютерами. Резонанс в ученом мире Здравоохранения был хороший, Жанат и Серик были глашатаями прогресса. А у меня был запасной аэродром на случай форс-мажора.

Институт Теоретической и прикладной Математики Академии Наук Казахстана, ИТПМ Май 1993 года

Всё в жизни закономерно и логично. Моё страстное желание попасть на математический факультет университета, затем долгие поиски пути, вернее двери, открывающей в науку завершились будничным приемом на работу в Институт Теоретической и Прикладной Математики Национальной Академии Наук Республики Казахстан.

В мае 1993-го меня вышвырнули из фирмы «КАРАВАН» и я стал искать новое место работы. Аман сообщил мне, что в Институте Математики нужен специалист с опытом проектной работы, так как там надо разработать проект для Министерства Обороны Казахстана и предложил мне сходить туда. Не откладывая дело в долгий мы явились туда в ближайшее утро. Аман представил меня академику Амербаеву, я его уже видел однажды, когда мы с Петром Петровичем искали для меня пути в Аспирантуру, то заходили и к академику в лабораторию. После короткого разговора с академиком я написал заявление, Аман тоже. После этого пошли все вместе к Паку, он был помощником Президента Академии Наук и его кабинет был с парадного входа здания Академии. Подождали в приемной пока Амербаев беседовал с Паком, затем с подписанными Паком заявлениями отправились в отдел кадров Института. Меня брали на должность ведущего специалиста, а Амана на должность простого. Повторилась с точностью до совпадения история 1974 года при приеме нас с Паридона в КО ГПИ ПМА. Аман потом нимало не смущаясь высказывал удивление Римме пожирая на её кухне добрую чашку лапши с мясом:

- Как же так? Меня казаха и кандидата наук взяли на более низшую должность, чем немца и не кандидата!

Вопрос очень интересный. Аман по своей жадности и тупости не мог сообразить, что дело не в национальности, а в профессионализме. А меня брали на ту должность, которая тебе не по уму и не по плечу. Позже очень умные и порядочные люди говорили мне, что Аман такая дрянь, что от него надо держаться подальше. Я знал это лучше всех и только улыбался про себя, я просто ждал, когда Аман либо поймет это, либо потерпит фиаско. А пакостей Амана я не боялся, так как тот пользовался подлостью в своих интригах и был запредельно жаден. Его можно было купить. А я был логичен, последователен и в отличие от многих не жаден и купить меня было невозможно.

Фото №10. Служебное удостоверение Института Математики

Фото №11. Служебное удостоверение Министерства Обороны Республики Казахстан

Я заменил кандидата наук и доцента Политеха И., который был до того момента правой рукой Амербаева, но он был профнепригоден для такой работы. Одно дело – это рассказывать басни студентам об АСУ, брать с них взятки за сдачу экзамена (мне об этом рассказывали его студенты

заочники) и совсем другое дело создавать Информационные системы и нести ответственность за результаты. Амербаев это понял, возможно были другие причины личного характера. У меня был совсем другой тип личности, это Амербаев как опытный человек хорошо разбирающийся в людях понял, может позвонил Заплетину или узнал по другим каналам, ведь его младшая сестра работала год у меня в отделе в Госкомнефтепродукте. История умалчивает, но я отныне работал в Институте Теоретической и Прикладной Математики Академии Наук Республики Казахстан и был официальным заместителем академика Амербаева в руководстве важным проектом для Министерства Обороны Республики Казахстан.

На следующий день я принялся за работу. Ознакомился с контингентом Лаборатории Анализа и Синтезе Цифровых данных (ЛАСЦД). Там было народу негусто: Сам академик Амербаев, доктор наук Казангапов, три кандидата наук, один старый сотрудник - Тюрехан, который работал там ещё до создания Института, два молодых сотрудника-студента: Володя и Генкин, чей папа профессорствовал в Политехе. Тепеь добавились ещё двое. Я был назначен официальным заместителем руководителя проекта «Разработка программно-технических средств гарантированной криптостойкости национальной системы защиты информации», Аман был рядовым сотрудником.

О Тюрехане необходимо сказать особо. Он был классический пример жертвы научной борьбы. Тюрехана тревили в свое время всем институтом Математики, довели до шизофрении и полнейшей деградации. Его не вовремя и открыто похвалил на какой-то математической конференции крупный советский алгебраист Фаддеев. После этого и началась травля, местные научные бонзы не могли такого простить «человеку ниоткуда». Вся беда Тюрехана была в том, что он составил какую-то программу вычисления Больших простых чисел на ЭВМ. Что за ЭВМ существовала в начале 1960 годов можно себе представить. Но тем не менее, он это сделал первым в СССР и это заметили. Большие простые числа в математики занимают особое место, они очень важны в криптографии, шифровка при помощи больших чисел на 100% надежна, так как в этих цифрах нет циклов, то есть они не разлагаются на простые множители (правила из алгебры для 5-го класса средней школы).

Короче, ходу ему не дали, он так и не защитился и прозябал в должности младшего научного сотрудника до самой пенсии. Работал он в последнее время в лаборатории Амербаева, ничем особо не занимался и никому не мешал. Ко мне он проникся уважением, так как я проявил

Фото №12. Слева. Сотрудники Лаборатории Анализа и синтеза цифровых данных Института Теоретической и прикладной математики Академии Наук Республики Казахстан. Алма-Ата, 1994. Слева направо: Аман Нурлыбаев, Академик Амербаев, Студент Тимур Х., секретарша директора Института Елена У., Зам. Заведующего Лабораторией Александр Вагнер.

Фото №13. Справа. Сотрудники ИТПМ на празднование Нового Года. Адма-Ата, декабрь 1994. В центре Директор Института, в заднем ряду Александр Вагнер. Женщины – работницы планового отдела и бухгалтерии, в первом ряду председатель Профкома (в очках)

к нему человеческий интерес и приглашал на совещания по теме проекта, угощал чаем и беседовал с ним о науке и жизни. Тюрехан ожил, пригласил однажды меня в гости к себе домой. Он жил один в убитой квартире в 6-ом микрорайоне. Стал рассказывать о своей молодости и в том числе как он участвовал в Международном Математическом конгрессе в Москве в 1967 году, жил в гостинице «Россия». Однажды к нему в номер зашёл Академик Персидский, важный человек из Академии и сказал: «Вот, добился разрешения на открытие Института Математики в Академии Наук Каз. ССР!». Коллеги выпили за эту радостную весть.

Как-то Тюрехан рассказал, что во время гонения на него он взял слово и выступил на собрании в Академии. Говорил он по-русски плохо и сумел выдать из себя только несколько фраз, одна из которых была: «У нас, что Евреистан здесь, везде одни евреи!» Совсем как в песне Высоцкого: «Евреи, евреи, кругом одни евреи!» После этого Амербаев или Пак или оба вместе стали стыдить Тюрехана и говорить ему чтобы он пошёл и извинился. Тюрехан пошел к одному обиженному им представителю еврейской диаспоры, затем к другому, но ему везде ответили: «Да что вы говорите! А мы и не слышали, что вы говорили на собрании». Тюрехан доложил начальству о своих извинениях и дело закрыли. Что взять с человека у которого крыша от Больших простых чисел поехала.

Чимкентские соколы. Июль 1994 года

В 1994 году история с поступлением в летное училище повторилась, на этот раз с «соколятами». Серик позвонил мне домой из Чимкента. Затем привез своего старшего сына Армана и пришел с ним ко мне в Институт Математики. Он попросил помочь со сдачей экзамена по математике, а попросту сдать за него экзамен, вернее решить экзаменационные задачи, условия которых они выбросят в окно из экзаменационного класса. Я конечно согласился и приехал утром следующего дня в Технический Центр в Алма-Атинском Аэропорту где проводились экзамены, долго ждал Серика. Наконец он появился и с ним группа мужиков человек в семь со своими сынками. Это были работники Чимкентского Аэропорта, которые привезли своих недорослей поступать в летное училище. Мне пришлось отдуваться, то есть решать задачи за всю Чимкентскую область.

Фото №14. У входа в Институт Теоретической и прикладной математики Академии Наук Республики Казахстан. Алма-Ата, 2004

Как бы то ни было, но кто правильно переписал мои решения, тот получил не меньше четверки а если нет, то моей вины в этом не было. После этого меня поили коньяком и даже попытались заплатить деньги, но Серик сказал, что гусары, т.е. джигиты из их класса за такие услуги денег не берут. Праздник по поводу сдачи экзамена запомнился мне не только хорошим коньяком и тем, что «благодарные» родители забыли дать мне три рубля на такси, но более всего тем, что

в конце праздника ко мне подошел какой-то скользкий мужичек и начал что-то нудно толковать, что надо бы чтобы я позвонил Людочке в Чимкент о том, что ее сынок сдал экзамен. Я никак не мог «врубиться» после экзамена и коньяка, что этому долбану надо. Серик мне растолковал, что это муж Людмилы Прокопюк – дочери нашей учительницы по русскому языку и литературе. Звонить Людочки я не стал по очень простой причине, сходи и позвони сам. Переговорный пункт в Алма-Ате работает грулосточно. А может из-за теплых воспоминаний о теще этого долбана.

Научный Центр Медицинских и Экономических проблем здравоохранения, 1994 год

В Научный Центр меня пригласил Орманбеков Жузжанов. После того как новый министр (Девятко) назначил его директором «Научного центра медицинских и экономических проблем здравоохранения», то Орманбек предложил мне заведовать по совместительству отделом «Биостатистики и анализа научных данных» этого центра. Я в это время работал в институте Математики и уже совмещал в одном месте, «Немецком Доме». Чтобы было удобнее совмещать еще и у него, организовал потом совместную с Минздравом лабораторию (об этом будет рассказано ниже). Компьютеры и столы были из Академии, помещение в Научном Центре, зарплату получал и там и здесь, но в сумме вдвое меньше чем в третьем месте – германском «Обществе по техническому содействию и помощи развивающимся странам», где я подвизался в роли эксперта по экономике в «Немецком Доме». Когда я заходил в кабинет к Орманбеку то он показывал мне средний палец на правой руке с мозолью от писанины и предлагал 50 грамм, вынимая из письменного стола початую бутылку водки. Он был чрезвычайно «писучий» и исписывал за смену два десятка листов выпивая для вдохновения поллитра водки, совсем как У.Черчилль. До этого Орманбек работал в парламентской комиссии по здравоохранению в Верховном Совете Казахстана. Мы с Данияром подходили к зданию Верховного Совета со стороны ул. Комсомольская (Толе Би) и кричали: «Орманбек». Тот высовывался из окна, махал нам рукой в сторону бюро пропусков с другой стороны здания. Мы шли туда, получали пропуска и проникали через милийский пост в здание парламента. Там мы усаживались за большой стол и начинали научные дискуссии, которые иногда сопровождалось небольшими паузами для приема бодрящих напитков.

В Научном Центре мне установили бронированные двери в кабинете с компьютерами, я закрывался изнутри в надежде, что никто меня там не найдет. Но не тут-то было, «товарищи ученые, доценты с кандидатами» бешено стучали в дверь, требуя их впустить. Их как магнитом тянуло за эту дверь, всё равно что папу Карло, Буратино и его друзей за картину на стене, изображающую очаг. Если я не открывал, то они отключали электроэнергию в кабинет. Они чувствовали себя в безопасности при распитии горячительных напитков за этой стальной дверью.

С Лисициным я познакомился в Москве на защите Dr.Dr. друга Данияра, получил от него визитку.

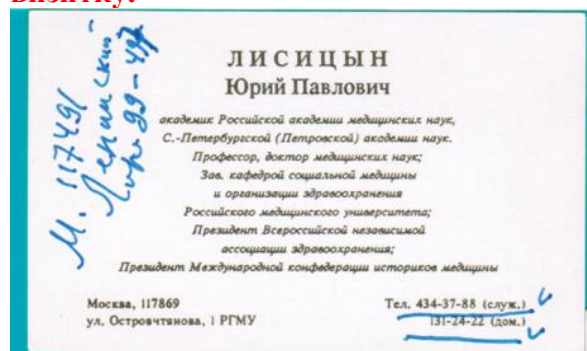

Фото №15. Визитки Лисицына и Жузжанова

Во времена работы в Германии (MSD) я занимался непосредственно вопросами демографии, разработал проект и опубликовал статью (в соавторстве) в авторитетном научном журнале.

Ситуации в верхних слоях научной атмосферы

В конце лета 1994 года Амербаева «попросили» с поста Академика-Секретаря физико-математического отделения Академии наук, то есть вместо него выбрали другого. Вильжан слег с гипертоническим кризом в Совминовскую больницу. Всезнающий Аман рассказывал о происходящем на заседании у Президента Академии Наук во время этого снятия.

Однажды в конце дня Аман повел меня к шефу. Зашли в больницу, потом нашли палату и вошли к Амербаеву. Тот был в больничной пижаме. Он начал излагать варианты своего ухода из

Академии, в том числе переход к Академику Джолдасбекову в его новообразованную Академию. Может это была «деза» или Вильжан находился в растерянности от того, что его так грубо кинули.

Через некоторое время в дверях палаты появился высокий гость – это был Вице Президент Академии Наук господин Околович. Он принес баночку малинового варенья больному коллеге-Академику. Аман разглядел, что баночка была неполной, может это был обман зрения. Аман маниакально видел любые действия людей только в черном цвете. Академик Околович побыл некоторое время в палате, пожелал коллеге скорейшего выздоровления и удалился. Визит вежливости закончился и можно было уходить. Амербаев не представлял больше интереса ни для него, ни для остальных игроков в высших слоях научной атмосферы. Его, как принято говорить, умножили на нуль, такое часто бывает в высших слоях атмосферы, т.е. науки.

До этого «ушли» Президента Академии Наук профессора Султангазина. На его место «выбрали» Президентом Академии экономиста из Нархоза. Однажды мне довелось присутствовать на встрече нового Президента с молодыми учеными, в число которых входил и я. Тот похвалил западных немцев, сказав: «Все немецкие ученые свободно общаются на английском! Нам надо у них учиться».

Султангазина мне довелось увидеть чуть позже, когда тот подымался по лестнице в наш коридор, наверное к директору Института Математики. Он был очень подавлен снятием с должности. На нем как говорится лица не было. Но всё проходит. И отлучение от высокой должности тоже.

На память у меня остался Приказ о замещении Академика Амербаева сроком на один год во время его отпуска по болезни с 1.09.1994 по 1.09.1995. Вот такие шутки Судьбы! Не думал, не гадал, а стал заместителем Академика. Такое тоже бывает в жизни, даже если к этому и не стремишься.

Вместо Амербаева Академиком-Секретарем выбрали Х., тут как раз была создана моя совместная лаборатория и это сходу дало очки Х, он был квалифицированный математик и хороший администратор с научными связями в зарубежье. Его кабинет был по диагонали напротив комнаты 256, где распалогалась моя команда. Часто у Х. бывали люди в специфическом одеянии, мне стало понятно, что это были иранцы, которым была нужна помощь, возможно в атомных делах. У Пака часто бывали люди из Южной Кореи, он организовал какие-то курсы корейского языка в Институте. Кабинет Пака был напротив дверей комнаты 256.

В независимом Казахстане наступили тяжелые для науки времена. В то время Академию Наук очень часто критиковали в том числе и из аппарата Президента страны за отрыв от практики и витание в высоких облаках теоретизирования. Зарплату в институте не выдавали по несколько месяцев, а когда народ её получал, то номинальная стоимость была раза в три ниже чем в прошлый раз. Инфляция свирепствовала и жулики наживались на ней. Народ приходил в Институт только для того, чтобы справиться о зарплате. Бюджет и соответственно кадры резали, ходили слухи о радикальной реорганизации Академии. Сотрудники разбегались по коммерческим структурам.

На заседаниях Ученого Совета у директора Института обсуждались чуть ли не каждую неделю предложения о сохранении Института, выдвигались всякие идеи. Одна идея выглядела так:

- Давайте напишем письмо Президенту Назарбаеву с просьбой переименовать наш институт в «Институт теоретической математике». Тогда из имени института исчезнет слово «прикладная» и Президент даст команду финансировать нас как чисто научное подразделение из госбюджета, а не зарабатывать самим деньги.

Наша Лаборатория была практически единственная в Институте, которая имела выход на практику. Была ещё одна – детище Пака, которая торговала персональными компьютерами. Директор Института, Х. и некоторые другие руководящие ученые из Академии это хорошо поняли, я получил «зелёную улицу». Однажды после семинара, который проводил в Алма-Ате английский Мидлсэкский Университет для врачей Казахстана, мы пришли с Рустамом Казиевым в Институт и стояли с ним у боковой западной части здания Академии в тени. Отец Рустама был

известным кардиологом и лечащим врачом президента Туркменистана (Курбан-Баши). Мимо по перпендикулярной улице с тыла здания по Курмангазы шёл Х., увидел нас и подошел, идти надо было метров тридцать. Поздоровался и сказал: «Саша, ты занимаешься очень нужным и полезным делом. Для Академии это очень важно, продолжай дальше свои работы. Можешь рассчитывать на мою поддержку». Рустам спросил кто это. Я ему ответил, что Академик-секретарь и Председателем Физ-мат Отделением Академии. Рустам с уважением сказал: «Да, Саша, ты здесь в почете». Мне вспомнились слова дорогого Леонида Ильича Брежнева после присвоения ему воинского звания Маршала Советского Союза: «Вот, дослужился!».

Х. Был вновь избранным Академиком-Секретарем Физико-Математического отделения Академии Наук РК вместо академика Амербаева. Он хорошо знал о моих работах в сфере Здравоохранения и экологии. Однажды мне довелось участвовать вместе с ним в совещании у Вице Президента Академии Наук В.Н. Околовича по теме научно-исследовательских работ в области радиоэкологии и я был включен в состав комиссии АН по этой тематике. Кроме того в институте недавно работала комиссия по проверке деятельности и её председатель Член-Корр Джексембаев на совещании по итогам работы этой комиссии настоятельно рекомендовал развивать те работы, которыми занимается Вагнер и его лаборатория, эта его рекомендация была включена в решении Бюро физ-мат отделения АН РК.

Как всё это надо было понимать? Я особо не задумывался и продолжал делать свое дело. Это дело наконец оказалось востребованным на самом верху официальной Науки. Это не было удивительным, я просто ещё 10 лет назад занял свою нишу в этой отрасли науки и конкурентов у меня практически не было. Не было во всех 5-ти среднеазиатских Республиках. Удивительно, но достоверный факт. Туссовка доктора Манделя тоже не была мне конкурентом. Ещё один парадокс. Ответ был прост. Для того, чтобы быть вне досягаемости конкурентов, надо работать не покладая рук. Это я и делал последние 10 лет из дня в день без выходных. Это был мой главный козырь – работать на пределе своих возможностей. На пределе интеллектуальных и физических возможностей своего организма. Головой работать, непрерывно искать новые варианты и нестандартные, часто необычные решения. Как впоследствии через четверть века говорил мне близкий друг, тебе достались хорошие гены. Возможно, как пел в своей песне В.С. Высоцкий: «спасибо матери с отцом ...». Иногда это называют «суметь оседлать время», это мне больше нравится.

Октябрьская неделя в Москве

В начале октября 1994 года я отправился в Москву. Мой научный руководитель Д-р.Тех.Наук Алькен Казангапов сказал, что если я не привезу отзывы на диссертацию из Москвы, то шансов на защиту будет мало. Мне не надо было дважды повторять.

Выбор научного руководителя диссертации был не прост. По сути я выполнил работу без всякого руководителя, сам выбрал себе тему исследования, сам определил цели и задачи работы. Для этого систематически и регулярно работал каждое воскресенье вначале в научном зале Пушкинской библиотеки, затем в специальном зале Каз НИИ Научно-технической Информации. Здесь имелись реферативные журналы с аннотациями всех диссертаций защищенных в СССР. Каждая аннотация была сопровождена специальным кодом, по этому коду можно было получить микрофиши, т.е. фотокопии диссертаций на квадратной фотопленке размером с осьмушку листа А4 и просматривать их через специальные приборы типа микроскопов. Это было очень важно и полезно, я детально разбирал диссертации со сходной темой исследования, вникал в их суть. Самое важное было, то, что я хорошо изучил структуру диссертационной работы, стиль изложения и оформления работы. Нигде больше такой информации найти было невозможно. Также помог давний товарищ Петр Петрович Заплетин, он дал мне копию книги Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) о порядке присуждения ученых степеней в СССР.

К моменту начала работы в ИТПМ у меня был уже черновой вариант диссертации, были сданы кандидатские экзамены. Предстояли только формальные действия по проталкиванию диссертации в Специализированном совете по защите диссертаций. Здесь мне нужна была

помощь знающего человека, не формального свадебного генерала от науки, а хорошего советчика и практика. В этом смысле Амербаев, Пак и другие гранды и тяжеловесы института не подходили. Они плавали в высоких слоях атмосферы и дела диссертантов их не очень интересовали. Мне удалось каким-то чутьем вычислить Алькена. Он был доктором наук из той же плеяды, что и Амербаев с Паком, все они вместе учились в Университете.

Самое главное для меня было то, что Алькен проработал четверть века секретарем Специализированного совета по защите диссертаций и собаку съел в бумажных делах. Алькен в ответ на мое предложение быть его научным руководителем попросил дать ему время на раздумье. Через некоторое время он согласился и мы обсудили дальнейшие шаги действий. У Алькена не было до этого учеников, это один из факторов успешности научной карьеры и он, возможно, чувствовал себя немного неуютно. Поэтому моё предложение было как дар с небес на закате его научной карьеры. В общем, обе стороны имели интерес и выгоды от такого союза. Чутье и здравый смысл не подвели меня. Алькен сказал, что если я возьму вторым руководителем Амана, то он откажется. Я успокоил старшего коллегу и сказал, что этого быть не может по определению.

Итак, я стал готовиться к поездке в Москву. Собрал материалы, походный баул и, самое главное, письмо от Директора Научного Центра (О. Жузжанова) Академику Амербаеву на фирменном бланке с печатью. А также приложение коллегии Минздрава Казахстана с предложением создать Межведомственную лабораторию. Это были всё мои собственные идеи. Однажды я предложил Орманбеку попробовать организовать совместную с Институтом Математики научную лабораторию. Выгода была обоюдная. Орманбек с ходу поймал эту идею, он был парень не промах и мышей ловил хорошо. Он тут же сочинил письмецо и организовал решение Коллегии Минздрава. Я переплёл два тома своей диссертации, купил билет туда и обратно, позвонил Гришенкову и попросил организовать гостиницу в Академи Наук Минздрава России. Созвонился с Никитой и вечером зашёл к Орманбеку. Тот писал не отрываясь и курил одну за одной.

- Пить будешь? Орманбек достал из тумбы стола на треть выпитую бутылку водки.
- Не, работать ещё надо. Всё уже приготовил, лечу в воскресенье. С деньгами только туго.
- Орманбек набрал минздравовский номер. Алло, Жакипова, пожалуйста. Жузжанов на связи. Алло, Талгат, ты? Слушай, наш человек летит в Москву по важному делу. Я его пришлю к тебе, нужна помощь. Поговорив еще немного он положил трубку и сказал.
- Завтра к десяти подходи к Жакипову, он тебе поможет.
- Ясно, спасибо, Орманбек!
- Налить?
- Налей немного.
- Мы выпили не чокаясь и я побежал к себе в кабинет.

Пятого октября 1994 года я вышел из чрева самолета в Шереметьево, прошел к остановке автобусов-экспрессов, вошёл в очередной и поехал до Речного Вокзала. Вскоре вошел контролер. Я достал билет и предъявил его, мужчина лет 40 сказал: «Вам же не надо»! Я долго не мог сообразить, почему мне не надо билета. Потом до меня дошло, что контролер принял меня за служащего МВД, КГБ или агента спецслужбы. Наверное за короткую стрижку, спокойный уверенный взгляд и плащ болотного цвета.

От Речного Вокзала я добрался до «Сокола» и гостиницы Академии Медицинских наук. Предъявил паспорт. Дежурная нашла письмо из Института Кардиологии АМН СССР и выдала номерок от одноместного номера.

На следующий день я отправился в МГУ, до этого я зараннее договорился с Никиной Боголюбовой и Юрием Дадаевым – известным математиком о встрече там. Анвар Жаутыков, сын Академика был женат на его сестре и когда узнал, что я лечу в Москву, то попросил передать ему пакетик с лекарством. Дадаев был серьезно болен, кажется у него был рак. Анвар был обижен на Академию Наук Республики Казахстан за то, что они даже памятную доску для его отца на Институте Математики не повесили, хотя отец был в числе создателей этого институт и долгое

время был Академиком-секретарем и Председателем Физ-мат Отделением Академии Наук. Анвар почему-то симпатизировал мне и был со мной откровенен.

Я проник в комнату Никины через строгих вахтеров на проходной и выложил Алматинские гостинцы на стол Никите. Тот взял одно яблоко и стал им восхищаться. Я изложил ему свою просьбу и положил перед Никитой отпечатанный отзыв Ведущей организации. Никита стал читать, но тут зазвонил телефон, тот взял трубку и вытаращил глаза, затем передал её мне:

- Тебя.

Я спросил кто.

Тот ответил:

- Дадаев!

Я взял трубку, поздоровался, сказал, что сейчас спущусь. Потом вынул из баула пакетик и пошёл к проходной. Там передал Дадаеву лекарство и привет от Анвара. Тот поблагодарил и мы попрощались, я вернулся к Никите. Тот сказал, что сейчас побежит к начальству за подписью, а я ему сообщил, что схожу пока в магазин за пирожным к чаю. Вернувшись через 40 минут я поставил на стол коробку с тортом, коробку конфет и бутылку сухого вина. Никита передал мне отзыв из НИВЦа с подписью и лиловой печатью в 2-х экземплярах. Дело было сделано за два часа. Никита поставил чай, затем мы пили крепкий чай и беседовали. Никитата уплетал за обе щёки торт, он любил сладкое, передние зубы у него отсутствовали. Это ему не мешало быть веселым и довольным жизнью человеком. Ко мне он проникся ещё большим уважением, возможно за торт или за то, что за меня просил такой уважаемый математик. Математики быстро просчитывают ситуации и Никита воспринял приход Дадаева как намёк на то, что отзыв должен быть подписан.

Прощавшись с Никитой я поехал в Институт «Атомэнерго». В этом закрытом Институте я дважды участвовал в SAS-Семинарах. У меня там были знакомые, доцент Бурлацкий, который эмигрировал позже в Австралию и профессор Александров, заведующий кафедрой. С ним я познакомился на семинаре в прошлом году весной на дружеском фуршете устроенным Европейским филиалом SAS-Института. Тогда мы стояли у окна и беседовали, с большого стола в центре комнаты стремительно исчезали бутерброды и банки пива. Александров сказал, что надо сделать маленький запас. Мы собрали со стола несколько банок с пивом и бутерброды, положили запас на подоконник и спокойно продолжили беседу.

В «Атомэнерго» меня опять задержали тётки в шинелях, я сказал, что мне надо к профессору Александрову и они пропустили. Я поднялся на второй этаж, нашёл кафедру, постучал, затем вошёл. Спросил у секретарши об Александрове, та сказала, что он на Ученом совете, будет завтра. Я оставил ей свою работу с двумя отпечатанными экземплярами-заготовками отзыва и большую сетку с Алма-Атински аппортом в которой сверху лежал коньяк «Женис» в подарочной упаковке. Сказав, что завтра позвоню я удалился и поехал к Гришенкову в Институт Кардиологии. Тот встретил меня на проходной, проводил в свою комнату. Я достал из баула бутылку «Арарата», закусь и поставил на стол. Евгений закрыл дверь на ключ и мы стали неторопливо беседовать о делах и потягивать коньяк. Гришенков полистал два тома моей диссертации и сказал:

- Графоманство это всё!

Вечером следующего дня я вновь отправился к Гришенкову. У Гришенкову вид был угнетенный. Вчера его обокрали в метро, вытащили бумажник и ключи. Когда он под шафе наконец попал в свою квартиру, то жена положила его спать на половичок, а утром заявила чтобы он убирался с её глаз долой.

- Суровая у тебя баба, посочувствовал я.

- Можно у тебя переночевать в гостинице, спросил Евгений.

- Можно, сказал я и повез его в Сокол.

Там взял колюч на вахте, а Гришенков улучив момент, когда вахтерша пошла в коридор шмыгнул на лестницу и заскочил на 3-ий этаж. Друг перевёл дух, достал из портфеля банку пива и стал с наслаждением пить. Перед отлетом в Алма-Ату я зашёл ещё раз к нему в Институт,

коллега был уже в норме. Он выманил прощение у суровой жены, да и та поумнела за ночь пока он отсутствовал. В какие-то годы у меня всё шло как по маслу дома меня ждала любимая жена и мать троих моих детей. Это аксиома. Аксиома жизни не требующая доказательства.

Площадь Юности

Вечером я позвонил Амербаеву и сказал, что привёз ему зарплату за полгода и письмо из Минздрава с посылкой о создании совместной лаборатории. Академик сказал, что я могу приехать к нему на квартиру в Зеленоград и назвал адрес. Утром следующего дня я доехал до станции метро «Речной вокзал», пересел в экспрес и поехал в Зеленоград. Нашёл дом и подъезд где живёт Амербаев, позвонил в домофон и мне открыли, поднялся на 5-ый этаж, нашёл квартиру и вновь позвонил. Дверь открыл Амербаев, пригласил в квартиру и сказал, что он собаку сейчас заперёт в комнате. Послышалось рычание пса и затем вышел Амербаев и пригласил в кабинет.

Я доложил о делах в лаборатории, передал зарплату, которую я по доверенности получал несколько месяцев за него и менял на доллары. После этого коротко рассказал, что собираю в Москве отзывы на диссертацию. Затем достал письмо из Минздрава и отдал его Вильжану. Тот внимательно прочитал его, сказал, что это хорошая идея и написал на письме чёрными чернилами свое согласие. Я поблагодарил и положил письмо в портфель. После этого мы поговорили о том, о сем. В кабинет зашла внучка хозяина и пошла к деду. Затем меня пригласили к обеду и после этого я откланился с женой, внучкой и своим начальником. Между делом вернулась младшая дочь Академика, которая училась... Ну конечно же, на мехмате в МГУ. Другая дочь была замужем за каким-то местным функционером, видать не бедным. Он строил дачу, вернее ему строили, недалеко от города и Академик ходил туда и обратно пешком. Я давно заметил, что математики любят ходить пешком и очень немногие имеют собственные авто.

Похороны Турсунбая, март 1995 года

Мой хороший знакомый и земляк, толковый ученый Турсунбай Калжеков замерз зимой в степи под Каскеленом. Лживые друзья бросили его после попойки в сауне республиканской клинической больницы «Калкаман», устроенной в честь опробации диссертации главного врача этой больницы Таженова, пьяного на трассе Бишкек-Алма-Ата и он пошел не в ту сторону. Турсун рано защитил диссертацию, к нему валом поперли хитрованы от науки, он им всем запросто писал статьи и главы в диссертации, те не скупилась на выпивку. В результате через 20 лет те стали профессорами, а он со своей полторы сотней научных публикаций алкоголиком. После того как он наконец подготовил к защите докторскую его «друзья» стали писать на него кляузы в ВАК и в итоге свели его в могилу. Список подобных случаев очень длинный. Талантливое человека очень легко вывести из равновесия, они, как правило, люди с конфликтным характером, легко возбудимы и провоцируемы, этим и пользуются интриганы.

Турсун также работал в Научном Центре Жужжанова, начальником был Петров П.П., бывший зам министра Здравоохранения Казахстана. Это был мужчина чуть за 70 лет с явно проявляющимися признаками деменции, Гульнара – очень хорошая моя знакомая, рассказывала мне, что у Пети глаза уже белые и он плохо соображает. Петров погиб, упал с лестничной площадки 4-го этажа элитного дома, где находилась его квартира.

Турсун был 1945 года рождения, Орманбек Сакбаев 1938. Их рабочие места были в большой комнате на первом этаже Центра окнами на стихийный рынок через ул. Утепова с трамвайными рельсами, которые расплавились в 90-ые годы на всем пространстве бывшего СССР. Недалеко от рынка находился гастроном, там я закупал коньяк «Арагви» для банкета по случаю защиты диссертации и складывал их в сейф. Коньяк был очень хорош, последнюю бутылку Римма отнесла на прощальный обед с коллегами в Нацбанке Казахстана перед отъездом в Германию. После развала Союза коньяк исчез из продажи, как и многие другие хорошие вещи. Друзья вскоре после начала рабочего дня шли на микро-барахолку или в гастроном и приобретали там что-нибудь горячительное. Потом, после распития, они подымались ко мне в кабинет. Орманбек для

обсуждения монографии, а Турсун за компанию и на чаепитие. У меня насобиралось несколько электрочайников и электросамоваров, я их ремонтировал в свободное время, заменял спирали, менял электрошнуры и пр. Кроме того у меня была и раковина с водой в кабинете, словам максимум удобств, не считая компьютеров. Турсунбай дал мне ряд дельных советов по диссертации и написал краткую аннотацию на казахском языке к автореферату диссертации. Я просчитал кое-что для его диссертации и создал несколько красивых графиков при помощи специальной программы.

Поле того как труп Турсуна нашли в Каскеленском морге, Жузжанов поручил Александру Чену и мне организацию могилу в пригородном поселке, место там нашёл однокурсник Турсуна доктор мед.наук. Виталий Резник. Я подъехал к 6-ти утра на Мира и Комсомольская, сел в микроавтобус, который арендовал Чен, и мы поехали в поселок. Мне было не впервой заниматься могильными делами, в том числе непосредственно рытьем могил. Приехав в поселок коллеги начали собирать бригаду могильщиков. Подъезжали к одному дому, оттуда выходил полусонный и дрожащий с похмелья после вчерашних похорон один член бригады, ехали за другим. За час собрали человека четыре. Остальные подтянулись попозже. Чен достал из сумки бутылку водки, похмелил могильщиков и те принялись за работу. Вначале трактором «Беларусь» содрали мерзлый слой земли, выкопали яму, потом туда прыгнули могильщики и поочередно стали эту яму превращать в могилу. В конце этого процесса их главный специалист стал делать в стенке могилы отдельный карман с дыркой, туда должны были затем поместить тело усопшего. Работу закончили в самый раз, уже показались первые автомобили с провожающими и затем крузовик с телом усопшего. Грузовик и специальные похоронные носилки организовал Орманбек Сакбаев в центральной мечети Алма-Аты. С прощальной речью на казахском языке, выступил опять же Сакбаев. После похорон поехали на поминки. Они были устроены в квартире Турсунбая, во дворе стояли два больших поминальных казана где варилось мясо. Лошадь забили на родине Турсунбая в Сузакском районе Чимкентской области. Два его сына привезли мясо и водку оттуда.

За длинным столом уселись коллеги из Научного Центра и среди них руководство Минздрава, среди них и Максут Кульжанов. Я регулярно с ним встречался на подобных и других мероприятиях. Мы прощались с усопшим Динмухаммедом Кунаевым в оперном театре, а Виктор Шляр руководил толпой провожающих. Это был звездный час его карьеры. То он ошупывал кресла во дворце Ленина перед партийными мероприятиями с участием Первого Секретаря ЦК КП на наличия там, упаси Боже, взрывчатых веществ. То организовывал толпу встречающих дорогого Леонида Ильича, то хоронил важных персон. Ему это нравилось, наверное, быть на виду и рядом с важными персонами или их бранными останками. А я скромно копал или организовывал рытьё могил для усопших товарищей или родственников коллег. Трудно сказать какая работа была нужнее людям.

Как пелось в известной песне: «Отряд не заметил потери бойца». Ушёл в мир иной Турсун, затем его бывший шеф профессор Петров, затем и Александр Чен четвертью века позже. Максут рассказывал в 2019 году в приемной Ректора Национального Университета им. Аль-Фараби, что Чен перед смертью пришел с женой к нему в гости, был очень молчалив. Потом помер, он был последнее время в депрессивном состоянии. Возможно совершил сиюцид. Товарищ Максута, директор наркодиспансера Алма-Аты сказал, что он не смог себя реализовать. Возможно. Ушёл и Талгат Терлиспаев. У того было всё в порядке: жена из знатного рода, богатый тесть, отец – известный и заслуженный ученый и практик, элитное жильё, внебрачный сын. Что ещё нужно для жизни? Данияр спился, семья от него отказалась. Он бичевал в своей элитной квартире на Пушкина, но мне не удалось ни разу его встретить в Алма-Ате за четверть века после отъезда в Германию. За последние 30 лет после развала Союза ушли в небытие очень многие коллеги с которыми я ранее работал, был в дружеских или не очень дружеских отношениях. Многие преждевременно. Такова жизнь. Но, в то же время, мне очень часто приходит в голову мысль, что в ранних смертях есть какая-то скрытая логика, недоступная для нашего понимания.

Защита диссертации, Апрель 1995 года

Борьбу научных школ и состязание идей я очень хорошо почувствовал на собственной шкуре во время защиты диссертации. 19 апреля 1995 года Ученый Совет по присуждению докторских степеней при Институте Математики Академии Наук Республики Казахстан в составе 12 профессоров, возглавляемый академиком, единогласно проголосовал за присуждение мне ученой степени кандидата наук. Через пару дней секретарь ученого совета и научный руководитель моей диссертации отправил документы для экспертизы и утверждения в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК) при Кабинете Министров Казахстана.

Фото №16, №17. Доклад диссертанта

Фото №18, №19. Осмысление (в центре Аман Нурлыбаев). Дискуссии. Справа профессор А. из Политеха

Фото №20. Орманбек Жузжанов выступает в прениях

Фото №21. Оглашение решения Ученого Совета.
Зачитывает ученый секретарь Др. А. Казангапов

Фото №22. Групповое фото с коллегами из Научного
Центра Минздрава РК

Фото №23. Встреча с Алькеном и Рахимом в кафе «У Алины», Алма-Ата 2000

Там документы застряли на полтора года. Эту комиссию с успехом можно было бы назвать Высшей Истязательной Комиссией. Мой хороший знакомый Шамиль Иминалиев защитил докторскую диссертацию по гигиене труда, через некоторое время получил открытку с уведомлением о том, что ВАК утвердил его работу. Шамиль гулял на радостях неделю, по истечении которой получил вторую открытку, в которой было сказано, что по вине секретарши была допущена ошибка. На самом деле утверждена докторская диссертация химика Исиналиева. Шамиль – этот невозмутимый двухметровый гигант, рассказывал мне позже, что его от такой новости чуть удар не хватил.

В моём случае столкнулись интересы многих лиц и сыграли роль многие неблагоприятные

факторы. Председатель ВАКа – Член. Корр. Академии Наук Ашимов возглавлял в свое время слабенький Институт Информатики Академии Наук и имел обиды на Институт Математики, поэтому тормозил утверждение моей работы, мотивируя это тем, что я должен был защищаться в его институте.

Странно было то, что научный оппонент моей работы - его ученик доцент Сиротюк, в своем отзыве рекомендовал мою работу к защите в Институте Математики. Мой бывший формальный научный руководитель, у которого я проходил аспирантуру в КазГУ и вынужден был его покинуть т.к. он требовал от аспирантов по главе в «свою» монографию, проф. М.Телемтаев был личным врагом Ашимова и возможно имел претензии к моему новому научному руководителю др. А.Казангапову. Количество «честных ученых», написавших на меня кляузы в ВАК пока было неизвестно, но оно явно превышало единицу. Работу посылали на внешнее оппонирование и на экспертизу, но как это ни смешно, подобных работ на стыке математики, информатики и социальной медицины в Казахстане, так же как и в Союзе не было. Крутили и так и сяк, неутвердить не могли, так как это был бы скандал и оплеуха ведущим ученым Казахстана, присудившим мне ученую степень, утверждать не хотелось, придаться было не к чему. Диссертация была подтверждена многочисленными актами внедрения, ведущей организацией и среди оппонентов, приславшими отзывы на работу, были МГУ и МИФИ и это сильно осложняло жизнь моим противникам. Я же в это время опубликовал еще десяток статей и выпустил с соавтором монографию. Наконец в ноябре 1996 года за два месяца до отъезда в Германию Член. Корр. Академии Наук и позже директор института Математики А. Жексымбаев сказал на лекции по матанализу Татьяне: «Передай отцу, что мы наконец-то утвердили его многострадальную диссертацию!»

Во время этой паузы секретарша пригласила меня как-то к директору Института – Члену Корреспонденту Академии Наук, профессору Блиеву. Тот поздоровался, пригласил присесть и потом коротко и просто сказал, что мою диссертацию ВАК пока не утвердил, но я не должен беспокоиться, так как её в любом случае утвердят. Я в этом и не сомневался, так как карты на руках у него были козырные все до одной. Во-первых совместная лаборатория и поддержка влиятельных лиц в Академии, во-вторых монография и аннотация в

Фото №24. Титульная сторона кандидатского диплома

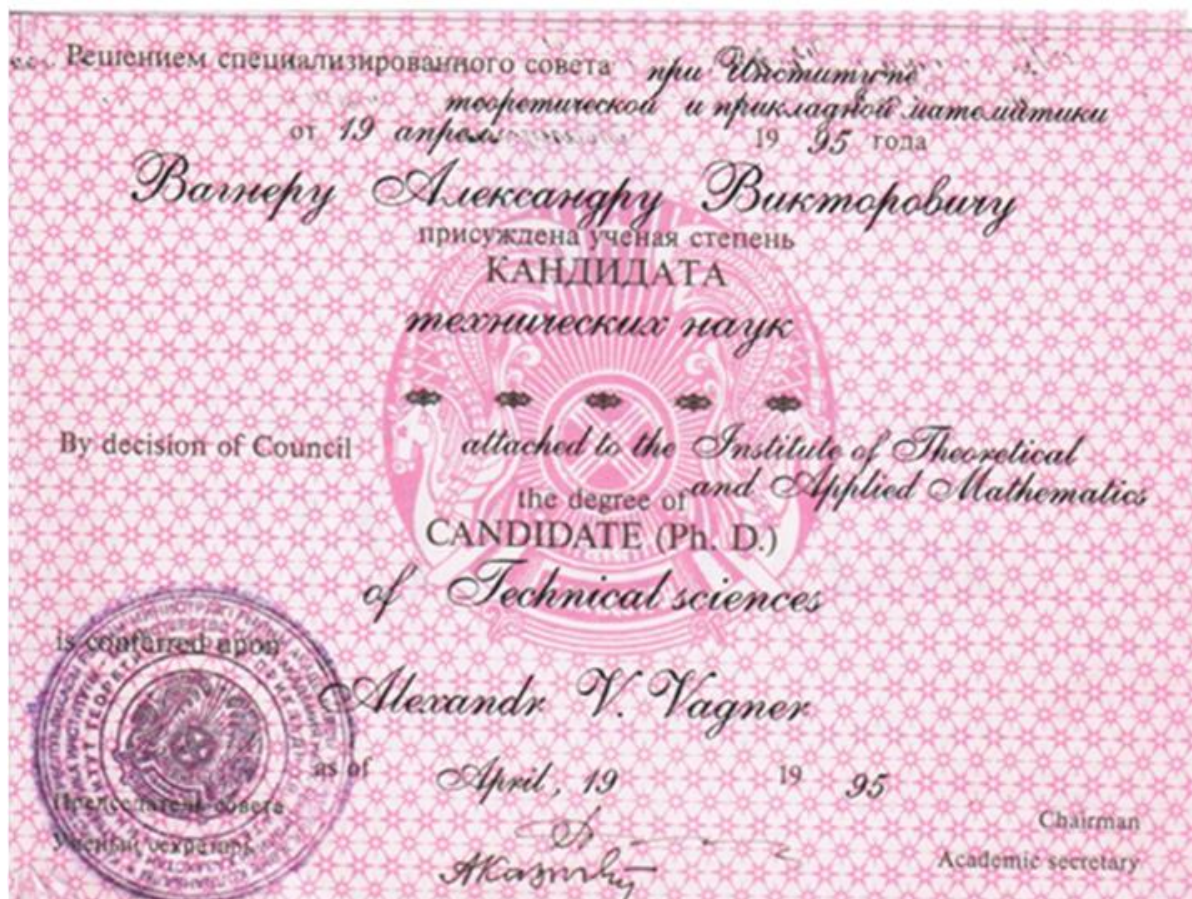

Фото №25. Копия кандидатского диплома, внутренняя сторона

главном научном вестнике страны, в-третьих 33 опубликованные научные работы по теме диссертации (по правилам достаточно 2-х), в-четвертых дюжина актов внедрения моих разработок в практику. Ну и самое главное, бронебойные отзывы из МГУ и АТОМЭНЕРГО. Чтобы заручиться такой работой, необходимо было признать диссертанта как минимум врагом народа. Другие аргументы (козыри) не годились. Я всё это хорошо просчитал и шёл неумолимо к цели как торпеда, а сейчас я просто ждал момента утверждения и не психовал. Моё любимое стихотворение Редьярда Киплинг «Если» очень хорошо подходило для этого случая. <https://izbrannoe.com/news/iskusstvo/dva-velikikh-perevoda-lyubimogo-stikhotvoreniya-anglichan/>.

Если...

Перевод С.Я. Маршака

О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь,

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,

Дата и время создания документа: 12.03.2023 16:05:35, релиз №1

Автор, редактор и дизайнер документа: Dr. Alexander Wagner

© Общество одноклассников(выпуск 1968) с.Казыгурт/Ленинское. Все права защищены законом

Стр. 35/51

И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, сможешь снова-
Без прежних сил — возобновить свой труд,

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если сможешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!»

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстояние
Секундами, пускаясь в дальний бег,-
Земля — твое мой мальчик, достоянье!
И более того, ты — человек!

Немецкий Дом. Ташкент, ноябрь 1995 года

Однажды секретарша директора Института Математике сказала мне что звонили из Немецкого Центра и передала телефон некоего господина Энгельса. Я ему перезвонил и тот сообщил, что он собирает сведения об ученых немцах, в Немецком Доме возникла идея создания Научного общества немцев Казахстана. Договорились о встрече я посетил этот дом и поучаствовал в организационном совещании по организацию общества. Потом было ещё несколько собраний и я постепенно стал своим человеком в этом Доме, благо он был в получасе ходьбы от Института.

Весной 1995 года в Немецкий Дом прибыл высокий представитель ОБСЕ и была устроена беседа с представителями немецкого меньшинства в Казахстане. Два немецких Академика. Физик Эрнст Боос и Сельхоз-специалист Эрвин Госсен что-то невразумительное мямлили, вроде как в Казахстане нет препятствий и притеснений немцев. Я с солдатской прямоотой заявил, что в 1968 году не был принят в университет по национальному признаку и не уверен, сумеет ли моя дочь в этом году поступить в Университет, не забракуют ли её по той же причине. Один из академиков покраснел до корней волос после моих речей, а председатель Совета немцев Казахстана Александр Дедерер поблагодарил меня после окончания встречи за честное выступление. Основания для такого высказывания у меня были

**Фото №26. Встреча с сотрудниками ИФО-Институт Мюнхен.
Ташкент, ноябрь 1995 (Александр 2-ой слева в очках)**

Дата и время создания документа: 12.03.2023 16:05:35, релиз №1

Автор, редактор и дизайнер документа: Dr. Alexander Wagner

© Общество одноклассников(выпуск 1968) с.Казыгурт/Ленинское. Все права защищены законом

Стр. 36/51

более чем достаточные. У меня было достаточно информации по этой теме из собственного опыта, а в период перестройки появилось много серьёзных публикаций и анализов с достоверной статистикой. Последующая история с долгим неутверждением диссертации показала, что я был недалек от истины.

Вот несколько примеров на эту тему. Историк Виктор

Кригер опубликовал работу, в которой он на основании официальных статистических данных показывает, что до Революции немецкое меньшинство было самым образованным в Российской Империи. После второй мировой войны и до конца Перестройки немецкое меньшинство стало самым необразованным во всем СССР. На эту его публикацию ссылались чиновники Германии высокого уровня. Писатель Фитц, который родом из Чирчика и работал в средствах массовой информации в Ташкенте и Москве, а затем в Германии, приводит информацию о том, что в СССР был негласный закон о недопущении российских немцев к обучению в высших учебных заведениях. Есть много других серьёзных исследований. Так, что доцент кафедры Высшей Алгебры Д. из КазГУ действовал согласно этого негласного закона, когда снижал мне балл на устном экзамене и те неизвестные преподаватели, которые снизили балл на письменном экзамене тоже. Вот и вся тайна, которая давно уже не тайна и все российские немцы знали об этом очень хорошо, поэтому и переселились массово в пожарном порядке на Историческую Родину при первой же возможности. Но эта Родина оказалась не Родиной, а мачехой. Там приняли российских немцев за быдло, то есть рабочий скот. Тех кто сумел устроиться по своей специальности, например врачей, учителей, инженеров, единицы. Для этого надо было переутвердить диплом, что могли сделать очень немногие. Я был одним из этих едениц. Причем я сделал это в Баварии, где имеются наиболее жесткие требования к дипломам из бывшего СССР из всех Земель Германии. Там даже дипломы из других земель Германии не признают и требуют переутверждать в Баварии. Об этом мне рассказывали местные немцы. Можно долго анализировать ситуацию и рассуждать на эту тему, но это выходит за рамки нашего рассказа.

Председатель Совета немцев Казахстана предложил мне попробовать поучаствовать в Европейском гранте. Я взялся за дело, заполнил все анкеты для гранта, описал проект и составил смету на выполняемую работу. Переводчица Совета перевела текст на немецкий и оставалось только найти соисполнителя с немецкой стороны. Обратились к профессору Хуберу, который работал в Мюнхенском институте экономических исследований и в настоящий момент оказывал помощь Казастану в экономических вопросах. Тот созвонился со своим начальством и сказал потом, что 3 человека из этого Института сейчас в Ташкенте и я могу съездить туда и согласовать с ними проект.

Мне дважды повторять не надо было, я купил в тот же день билет и прибыл на следующее утро в Чимкент, повстречался с Сериком, объяснил ему ситуацию, переночевал у него и на следующий день отправился в Ташкент на «Жигуленке» его родственника. Нашёл там ночлег в частной квартире так как в гостиницу меня не брали на из-за просроченного паспорта, то есть прошёл почти месяц как мне исполнилось 45 лет, а с этого возраста требовался другой паспорт. Самое интересное было в том, что у меня был паспорт несуществующей страны СССР.

Устроившись на частной квартире я отправился вечером к гостинице «Тошкент», позвонил от стойки и поехал на лифте на нужный этаж. Там нашёл нужный номер нужного человека, передал ему в подарок бутылку Казахстанского коньяка и начал толковать о деле, потом присоединился восточный немец, который неплохо говорил по-русски и дело пошло лучше. После этого отправились ужинать в ресторан, там и была сделана фотография. Получив подпись я отправился следующим утром на «Икарусе» в Чимкент и оттуда в Алма-Ату. Вместе со мной ехал какой-то табор под руководством вождя, старика-таджика, как я определил. Вождь дал водителю комок грязных, мокрых и мятых вонючих денежных знаков и тот разрешил грузиться этому табору. Табор ехал попрошайничать в Алма-Ату, их развелось там в это время великое множество. Из медицинских источников было известно, что мелкие бумажные деньги являются хорошим разносчиком всяческих инфекций.

Когда я положил на стол начальству подписанный документ, то Дедерер слегка обалдел от такого темпа и спросил как мне это удалось договориться с немцами и на каком языке. Через некоторое время я был принят на работу в Немецкий Дом в качестве эксперта по экономике. Зарплату получал в марках от правительства Германии через Министерства экономического сотрудничества и помощи зарубежным странам. Договор был сроком на один год и я проработал в этой должности до отъезда в Германию. Опыт работы в немецком Доме был очень полезен, было много встреч с членами Правительства Германии высокого уровня, членами Бундестага, общественными деятелями и бизнесменами. Я собрал хорошую информацию и приобрел большой личный опыт общения с серьезными людьми с Запада. Я понял, что смогу работать в Германии, там такие же люди как везде, то есть как пел Владимир Высоцкий там тоже «На каждого умного по дураку. Всё поровну, всё справедливо!» Дураков из министров Германии я тоже рассмотрел.

Однажды прибыла очередная делегация из Германии и в её состав входила Министр по делам семьи и детей, фрау Нольте из бывшей ГДР. Эта дама не имела детей и потом разошлась со своим мужем, об этом я узнал из немецкой печати, которую прочитывал в Немецком доме, в том числе две крупнейшие газеты Германии: Frankfurter Allgemeine и Süddeutsche Zeitung.

Фото №27. На крыльце Немецкого дома с коллегами, Александр второй слева. Август 1996

Там же я просматривал в субботних номерах объявления о вакантных местах Статистиков и программистов в среде SAS. Так вот, Министр по делам семьи вошла в помещение, где сидели сотрудники Немецкого Дома и к своему великому удивлению обнаружила там самые современные персональные компьютеры по клавиатурам которых бойко стучали клавишами эти недоразвитые «русские».

Dederer и другие

Немецкий Дом в Алмате – это нечто особенное в истории российских немцев. В момент его создания в Казахстане ещё проживало порядка 900 тысяч российских немцев, третья по численности национальная группа в стране. В связи с распадом Союза и возможность эмиграции на Историческую родину число немцев Казахстана стремительно сокращалось, в годы 1991-1992 до 200 тысяч в год. Для того чтобы прекратить приток нежелательных переселенцев в Германию его правительство стало искать различные пути решения проблемы. Создавались какие-то Потемкинские деревни на Алтае, на Украине, под Петербургом. Германия выделяла деньги странам бывшего СССР, те провозглашали лозунги о создании немецкого автономного района, там строились с десяток домов, туда устремлялись немцы из Казахстана и других забытых углов бывшего Союза. Деньги разворовывались, стройка замораживалась и шумиха с очередным автономным районом заканчивалась. Бурно дебатировались идеи создания Поволжской Республики Немцев. Устраивались съезды обществ «Видергебурт», писались программы,

обращения и прочая бумажная эквилибристика. Народ в Поволжье выходил на демонстрации протеста против заселения «фашистов» на исконно-русские земли. Наконец высокорослый идиот Бориска по кличке Эльцин прорычал с пьяных глаз, что Республике немцев не бывать никогда, а если и бывать то на месте бывшего полигона Капустин Яр в Астраханской области. Приехали! На этом горячие дискуссии закончились и простой народ стал ещё более настойчивей собирать справки-бумажки на эмиграцию и «подавать Антраги на выезд в Германию». Лидеры «Видегебуртов» крепко призадумались. Одни поняли, что ловить на старой родине больше нечего и пора линять на историческую родину. Другие по причине страстного желания нагреть руки на новой ситуации продолжали долдонить о возрождении немецкого этноса на просторах бывшего СССР. Они продолжали драть деньги с отъезжающих за оформление Антрагов и проталкивание документов в посольстве Германии на оформление выездных документов. Кроме того эти лидеры создавали себе ореол борцов за народное счастье, были членами всяких Ассамблей народов России, Казахстана и далее по списку. Они были вхожи в политическую туссовку, регулярно изрыгали на страницах прессы злободневные и совершенно бессмысленные идеи о развитии немецкого этноса, о связях с Германией, культурном обмене и прочие прожекты. Это приносило неплохой бакшиш и самоудовлетворение своего эго. А по большому счёту это была игра в демократию и полнейшее игнорирование жизненных потребностей этноса. Публика, которая собиралась в эти «Видергебурты» и прочие общественные химеры была специфическая и из категории либо щепетильных циников, либо никчемных болтунов-бездельников. Обновление кадров в этих организациях происходило регулярно и в хорошем темпе, за полгода-год могло смениться до 50% состава. Каждый из сотрудников находил для себя какие-то плюсы и плюсики в участие в этих «Видергебуртах». Кто-то имел побочный заработок. Кто-то возможность побывать в Германии или сопредельных странах, так Александр Энгельс ездил в Данию, где общался с представителями немецкого меньшинства, заодно сожрал в одиночку в ресторане огромную бесплатную пицу и заслужил аплодисменты от посетителей ресторана. Кто-то поспособствовал своим деткам, так Софья Кондратьевна Вензель устояла сына Славу на стажировку в Гамбурге. Бухгалтер Лена побывала от Гёте-Института и через Шульца в Берлине. У четы Кёнигов был семейный подряд по оформлению документов для Ауэридлеров в посольстве на выезд в Германию. Многие просто высиживали время до получения вызова и отбытия в землю обетованную. Идеалистов не было, были типичные российские немецкие прагматики.

Самой колоритной фигурой Немецкого Дома был председатель Совета Немцев Казахстана г-н Дедерер Александр Федорович. Это был вальяжный мужчина 1958 года рождения, выше среднего роста, с густыми усами, вислосады с сутулой походкой и повадками сановника из Сената царя Александра Первого или Третьего, не столь важно какого. Его главной особенностью была бросающаяся в глаза напыщенность, вальяжность, самоуверенность и прочая атрибутика актера провинциального театра. Да он и был провинциальным актером. Закончил какой-то областной технический вуз, сам родом из Кустанайской области. По специальности никогда не работал. Говорил бедным языком длинные бесцветные монологи, писать ничего интересного и путного не мог по причине полного отсутствия способностей излагать писменно свои пустые монологи. Писала за него пресс-секретарь Ольга Моос. Большой страстью его было многочасовые разговоры по телефону и полдневные беседы в своем кабинете с избранными собеседниками. Очень бережно относился к своему драгоценному здоровью, не пил, не курил, покупал на базаре продукты только у определенных продавцов. За время его почти тридцатилетнего управления Советом немцев, поголовье немцев Казахстана сократилось в 20 с лишним раз. Это и есть главный показатель деятельности Совета и его председателя. Немецким языком Дедерер за 30 лет работы в Немецком Доме не овладел даже для ведения простейшего диалога на бытовые темы.

Монография, ноябрь 1995 года

С нашей совместной монографией история произошла не менее интересная чем с диссертацией. Мы с Орманбеком Сакбаевым собирали лет 7 материал во всех регионах Казахстана, публиковали статьи и методические указания, делали доклады на конференциях и

Дата и время создания документа: 12.03.2023 16:05:35, релиз №1

Автор, редактор и дизайнер документа: Dr. Alexander Wagner

© Общество одноклассников(выпуск 1968) с.Казыгурт/Ленинское. Все права защищены законом

Стр. 39/51

писали научно-технические отчеты. К моменту, когда текст монографии был уже сверстан и записан в двух экземплярах на дискеты, неожиданно появились претенденты на их работу. Претенденты развернули кипучую деятельность по дискредитации нас с Орманбеком, распуская в научных кругах слухи о том, что мы якобы украли чужой материал. Была создана комиссия, но её председатель д.м.н. В.Резник написал в отчете о её работе, что комиссия фактов воровства не обнаружила. Была создана другая комиссия, Сакбаева, человека вспыльчивого, начали провоцировать на заседаниях этих комиссий, довели до прединфарктного состояния и кардиологической клиники. Я наученный прежним опытом, игнорировал эти комиссии и на их заседания не ходил. В итоге Орманбек был готов сдаться, но тут я воспротивился и сказал ему тогда: «Орманбек, ты конечно можешь включить Кенесариева в соавторы, но это будет уже не твоя работа и ты никогда не защитишь свою докторскую диссертацию. Меня же никто не обойдет. Все мои программы зарегистрированы во Всесоюзном Фонде алгоритмов и программ и в Агентстве по интеллектуальной собственности Казахстана. Данные и программы в единственном числе у меня на руках и никто из претендентов без меня в них не разберется и не запустит их. Ты же, если не хочешь проиграть, беги в Агентство по авторским правам и ищи там защиты».

Орманбек убежал. Прибежал через три часа обратно с горящими глазами ко мне в Институт Математики и сказал, что директор Агентства оказался его земляком и заверил его в том, что после регистрации рукописи в их Агенстве, никто не имеет на нее прав кроме авторов, авторские права от имени государства будет защищать Агентство. На следующее утро прихватив 19 тыс тенге и бутылку шампанского соавторы отправились на регистрацию рукописи. Получив регистрационные удостоверения мы через несколько недель собрали отзывы специалистов и провели рукопись через Ученый совет института Математики.

<p>КАЗАХСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ АВТОРЛЫҚ ЖӘНЕ САБАҚТАС КҰҚЫҚТАР ЖӨНІНДЕГІ МЕМЛЕКЕТТІК АГЕНТТІГІ</p> <p>ГОСУДАРСТВЕННОЕ АГЕНТСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО АВТОРСКИМ И СМЕЖНЫМ ПРАВАМ</p> <p>КУӘЛІК СВИДЕТЕЛЬСТВО</p> <p> КАЗМАСКА КАЗГААСП</p>	<p>СВИДЕТЕЛЬСТВО</p> <p>о регистрации объекта интеллектуальной собственности</p> <p>№ <u>62</u> <u>24 ноября 1995г.</u></p> <p>Настоящим удостоверяется, что в Государственном Агентстве Республики Казахстан по авторским и смежным правам зарегистрирован объект интеллектуальной собственности _____</p> <p><u>Совершенствование методологии извлечения и оценки</u></p> <p>под названием <u>Здоровья населения</u></p> <p>автором которого по собственному заявлению является <u>Сакбаев Орманбек Сакбаевич</u> <u>Вагнер Александр Викторович</u></p> <p>По заявлению гр. <u>Сакбаев и Вагнер</u></p> <p>все права интеллектуальной собственности и объект, созданный <u>прот.кол. 5/3 29.06 1995г.</u> принадлежат исключительно вышеуказанному(ым) лицу (лицам).</p> <p>Гр. <u>Сакбаев О.С. и Вагнер А.В.</u></p> <p>гарантирует, что при создании вышеуказанного объекта не были нарушены права интеллектуальной собственности других лиц.</p> <p>Запись в Реестре Каз ГААСП за № <u>62</u> от <u>1995г.</u> имеется.</p> <p>Объект и его копия в виде <u>рукописи</u> депонированы в КазГААСП</p> <p>г. Алматы, ул. Жибек жолы, 76</p> <p>Председатель КазГААСП <u>Вагнер</u></p>
---	---

Фото №28. Свидетельство Государственного Агенства по авторским и смежным правам Казахстана

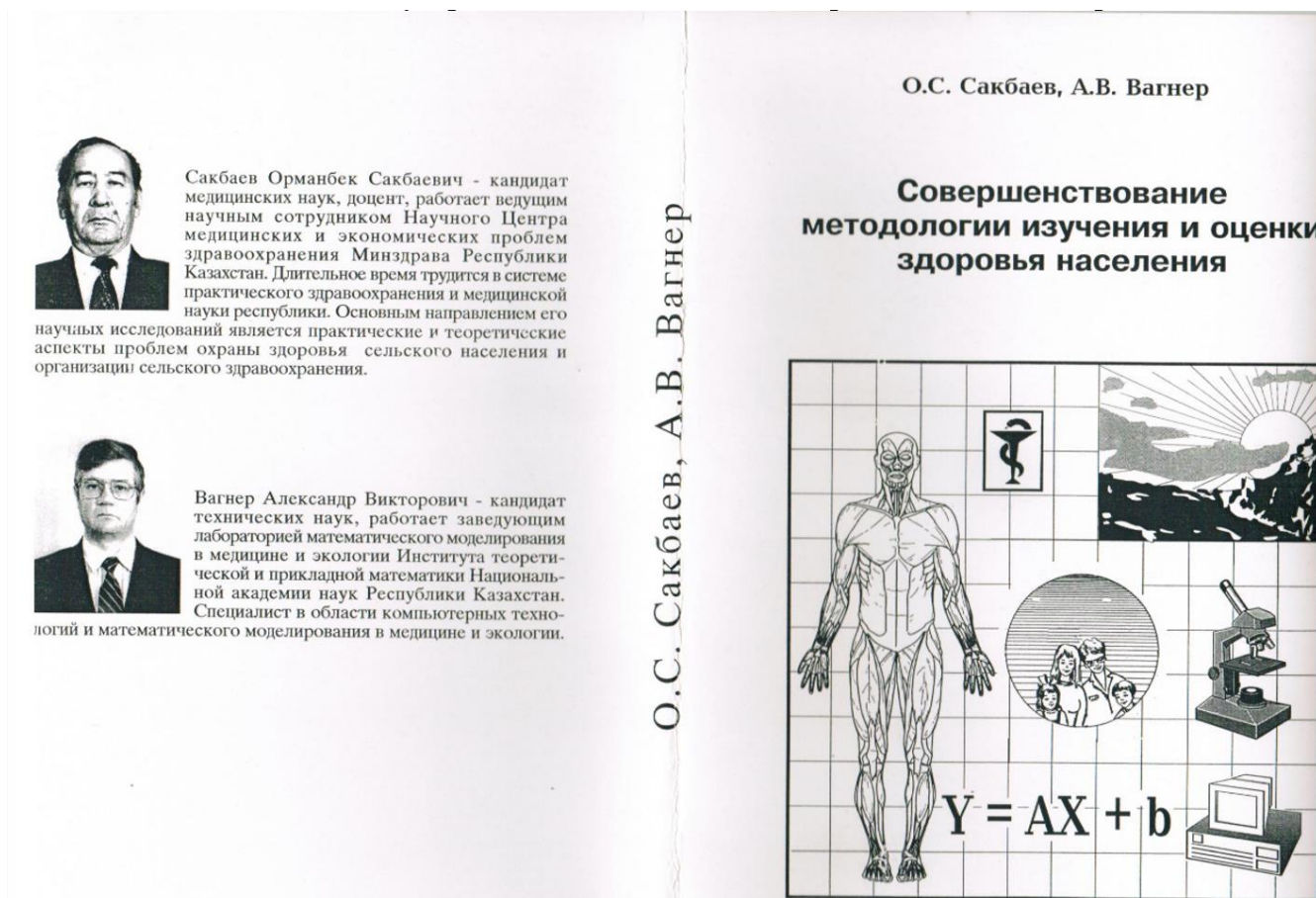

Фото №29. Обложка монографии. Алма-Ата 1995.

Путь к публикации был свободен и я отпечатал монографию в настольной типографии в Немецком Доме. Мы зарегистрировали её в Книжной палате Казахстана, разослали сигнальные экземпляры в государственные библиотеки СНГ, отпечатали отзыв в газете «Наука Казахстана» (пригодился опыт моей работы в Госкомиздате) и перевели наконец дух. Перед отъездом в Германию я зашел на кафедру к Усену Кенесариеву в мединститут, переименованный в Медицинскую Академию. Тот стал грозить мне тем, что у него полный сейф компромата и что он передаст его в прокуратуру и я никогда не выеду в Германию. На что я ему спокойно ответил, что не у него одного ломятся сейфы от компромата на меня и что я ему разрешаю запускать этот компромат. Через четыре года, в приезд в 2000 году в Алма-Ату, я вновь посетил заведующего кафедрой, компромата уже не было, был неплохой трехзвездочный коньяк. Из всей этой истории я сделал вывод о том, что не всегда хитрость и грубая хамская сила способны победить компетентность и уверенность в своей правоте.

Наука Казахстана

Газета выходит с 1993 г.

№ 5 (65), 1 — 15 марта 1996 г.

НОВЫЕ КНИГИ

ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА — СЛОЖНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Вышла в свет монография О. С. Сакбаева и А. В. Вагнера "Совершенствование методологии изучения и оценки здоровья населения". Орманбек Сакбаевич — ведущий научный сотрудник Научного центра медицинских и экономических проблем здравоохранения Минздрава РК — длительное время занимается практическими и теоретическими аспектами проблем охраны здоровья сельского населения и организацией здравоохранения на селе. Александр Викторович — специалист в области компьютерных технологий и математического моделирования в медицине и экологии. Соединение двух подходов к проблеме позволило этим ученым создать первый в нашей республике фундаментальный труд, обобщающий данные литературы и многолетний опыт исследования проблем здоровья населения в Республике Казахстан на основе применения современных средств прикладной статистики и компьютерных технологий.

В книге наряду с традиционными способами изучения общественно-го здоровья рассмотрены современные методы прикладной математики, адаптированные применительно к задачам профилактической медицины, которые представлены как в теоретическом аспекте, так и в практическом применении. Каждый из них иллюстрирован фактическими материалами по результатам конкретных исследований различных параметров популяционного здоровья.

Особое место отведено методам многомерного статистического анализа, математического моделирования и прогнозирования причинно-следственных зависимостей состояния здоровья населения от комплекса факторов внешней среды, в том числе и социальной. Рекомендованы для учреждений здравоохранения упрощенные, но в то же время информативные методы анализа и оценки состояния здоровья населения конкретной территории, система критерияльно значимых и интегрально-оценочных показателей общественного здоровья, а также современная модель управления его охраной в условиях перехода к рыночной экономике.

Данная работа весьма полезна не только организаторам здравоохранения и научным сотрудникам, но и всем специалистам, интересующимся проблемами охраны и улучшения здоровья народа. Рекомендуется также в качестве пособия для медицинских учебных заведений.

Есмухан ЖАРКИНОВ,
зав. лабораторией НИИ
гигиены и профзаболеваний,
доктор медицинских наук,
профессор

Фото №30. Рецензия на монографию О.Сакбаева и А.Вагнера

Усен проиграл вчистую, медицинской научной общественности это стало ясно. А мы выиграли вчистую и теперь у моих недоброжелателей не осталось шансов не утверждать в ВАКе мою диссертацию. Рецензия в главном научном вестнике Республики — это путевка в высшую лигу и неутверждать диссертацию было равносильно потери лица теми, кто занимался этими интригами. Таким образом, в этой истории была достигнута точка перегиба, какая существует у математических кривых. Вектор сил сменился в мою пользу.

В свой первый приезд в Алма-Ату из Германии я вновь встретился с Сакбаевым. Мы с Риммой в это время были в гостях у её подруги Тамары Тургенбаевой на ул. Кирова за речкой Весновкой. Я позвонил Орманбеку и сказал, что если у того есть время, то мы могли бы встретиться, я его будет ждать на улице. Орманбек подъехал на такси, у меня была в сумке бутылка «Казахстанского» и мы решили где-нибудь посидеть без шума. Нашли на Комсомольской какой-то буфет, расположились в углу, заказали манты, салаты, чай. Налили по полстакана, выпили за встречу, потом соавтор стал рассказывать о своих делах. Он был бодр и на коне, нашёл свою нишу. Теперь он сочинял не монографии, а диссертации для зам министров и других высоких чиновников. За одну работу получал до 3.000\$. У него была только одна проблема, проблема со статистикой. Говорил, что после того как я уехал, то не стало никого, кто мог бы это делать. Тимур, который этим делом вроде как занимается, такой нудный, что никакого желания с ним работать нет. Ага, вспомнил я этого серого типа и грубую поговорку о том, что у таких на губах мухи сексом занимаются. Коллеги прикончили коньяк, потом Орманбек заказал по 200 грамм белой и мы продолжили беседу. После этой встречи больше мы не встречались. Я встретился и с бывшим конкурентом Усеном. Встреча произошла в Мединституте, ныне Медицинской Академии на кафедре, которой Усен руководил.

Фото №31. А. Вагнер и У. Кенесариев. Медицинская Академия, Алма-Ата, 2000 г.

Фото №32. Медицинская Академия, Алма-Ата, 2000 г. Слева направо: Проф. Н. Жакашев, Проф. М. Камалиденов, Д-р. А. Вагнер, Проф. У. Кенесариев

Встреча делегации Бундестага

Вначале второй декады августа 1996 года Дедерер пригласил меня к себе в кабинет и начал беседу о том, что посол Германии обратился с просьбой к нему. Просьба была серьёзная, надо было организовать ужин для членов делегации Бундестага. Предлагалось подыскать где-нибудь в окрестностях Алма-Аты приличный ресторан и организовать там встречу с представителями немецкой диаспоры Казахстана. Я сказал, что задача ясна и постараюсь её выполнить. Мне будет нужен транспорт для деловых поездок и доставки продуктов. Дедерер сказал, что я могу располагать Сашей Кунцем, с Шульцем он договорится.

Я принялся за дело. Прежде всего через своего хорошего знакомого у которого был 600-ый Мерседе, вышел на зам министра экономики и получил от последнего добро на проведение этого ужина. Потом съездил на этом Мерсе в бывший Дом отдыха Госплана «Айнабулак». Дом отдыха находился в живописном месте на высоте 1000-1500 метров над уровнем моря. Там договорились с директором этого заведения, после этого с директором ресторана и шеф-поваром и те принялись за подготовку к приему важных иностранных гостей. С Сашей съездил на рынок-оптовку, закупили кое-что для вечера и саксаул для приготовления шашлыка (Смета затрат на продукты приведена в Приложении).

Вечером в назначенный день на двух микроавтобусах Немецкого Дома, позади посол в своей машине и замыкающим автобус с членами Бундестага двинулись в «Айнабулак». Горная дорога была очень узкая и встречные машины вынуждены были маневрировать, но добрались без особых проблем. Банкет состоялся в большом зале, сервировка была на уровне. Гости с восхищением осматривали окрестности, чудесную природу и город в огнях лежащий под ногами. Посол с женой, Дедерером и переводчицей Ларисой Захаровой сидели во главе стола, члены делегации вперемежку с членами диаспоры. Руководитель делегации Herr Dr. Penner сидел рядом со мной. Спросил чем я занимаюсь, я ответил, что работаю в Институте Математики Академии Наук Казахстана. Penner с уважением посмотрел на меня, потом сказал:

- Deutschland braucht helle Köpfen (Германии нужны светлые головы). Приезжай в Германию!

Willfried Penner

aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie
Wechseln zu: [Navigation](#), [Suche](#)

 Willfried Penner (links) mit [Manfred Wörner](#) im Bundestags-Verteidigungsausschuss, 1980

Willfried Penner (* [25. Mai 1936](#) in [Wuppertal](#)) ist ein deutscher Politiker ([SPD](#)) und war von 2000 bis 2005 [Wehrbeauftragter des Deutschen Bundestages](#).

Фото №33. Сведения о члене Бундестага Вильфрида Пеннера. Справа вверху его визитная карточка, которую он передал Александру Вагнеру во время посещения делегации Бундестага Республики Казахстан в августе 1996 г.

В конце вечера он встал из-за стола, поблагодарил всех за теплый прием и обращаясь ко мне пригласил меня от имени и за счёт немецкого Бундестага в Германию. Потом дал мне свою визитную карточку. Таким образом я оказался не безродным переселенцем, а персоной со светлой головой, которую пригласило Правительство Германии. Вот те раз! Не думал, не гадал, а вышло так. Вот и не верь после этого истине: «Ничего никогда ни у кого не просите. Наступит время и вам всё дадут».

В компании этих делегатов я обратил внимание на носатого турка с кольцом в ухе. Это был молодой, подающий надежды глашатай Партии зеленых Сем Оздемир.

Позже этот глашатай проштрафился и его временно удалили в США на повышение квалификации. Квалификацию он повысил и после захвата власти шарлатанами Зеленой энергетики он стал министром сельского хозяйства Германии (2021 год). Естественно, сельскому хозяйству в стране пришёл «пипец» от такого министра. Не стреляйте в Министра (пианиста) он рулит (играет) как умеет, как его научили в США, а там учат правильно.

Ужин прошёл в дружеской атмосфере и очень оживленно. Ели, пили «Капламбекское» красное вино. Я сказал гостям из Бундестага, что это вино изготавливают немецкие переселенцы в том месте, где они живут уже больше 100 лет (Чимкентская область). Посол и члены Бундестага с интересом и уважением отпили этого вина. После этого все вместе пели немецкие народные песни, в этом деле штатным певуном был Александр Энгельс.

Съезд немецких ученых Казахстана, сентябрь 1996

К середине года Общество немецких ученых было официально создано. Председателем был избран профессор, член корр АН РК Эрнст Боос, ученым секретарем Александр Вагнер. Был принят план работы на ближайшее время. Важным пунктом был вопрос о встречи ученых Казахстана, надо было собрать сведения о каждом и провести съезд. Работа как и следовало ожидать была поручена мне и я принялся за поиски оставшихся ещё в Казахстане немецких ученых. Были разосланы письма в областные отделения Wiedergeburt и через некоторое время был создан список ученых. Список был невелик, в нем было порядка 25 фамилий.

После этого было решено провести съезд ученых, для этого, конечно, нужны были деньги. Боос пользуясь хорошим отношением с послом Германии в Казахстане решил попросить у него денег на это мероприятия. Попытка оказалась удачной и в конечном итоге был составлен договор

(См. документ ниже) о том, что Посольство выделит на это дело 440 тысяч тенге. Деньги были перечислены на счёт общества, был определен срок проведения мероприятия и я разослал приглашения ученым в различные города Казахстана. Было послано приглашение Президенту Академии Российских немцев Раушенбаху, соратнику Сергея Королева. Сам Академик из-за болезни прилететь не смог и вместо него прибыла дама из Президиума Академии Российских немцев. В качестве собрания был выбран зал Алма-Атинского Института иностранных языков. Для проживания и банкета арендовали гостиницу за дворцом Ленина. Гостиница была небольшая и очень приличная, там обычно проводились мероприятия Немецкого Дома.

Я разослал ученым приглашение и повестку съезда с указанием места и даты проведения мероприятия и место проживания. С администрацией гостиницы решил вопрос размещением участников. Затем обговорил меню для банкета с шеф-поваром ресторана и внес аванс. Через некоторое время стали прибывать участники съезда, некоторых приходилось встречать в аэропорту. Об этом я договорился с Шульцом и шофер Шульца, Саша Кунц, который жил рядом заезжал за мной и мы ехали встречать участников съезда и везли их в гостиницу.

Однажды Деререр пригласил меня к себе в кабинет и посоветовал обратиться к директору автобазы АДК с просьбой об оказании помощи в перевозке участников съезда и организации поездки на Медео. Я поехал с Сашей в АДК, Шварцкопф оказался его родным дядей по матери. Я с ним познакомился, тот начал меня расспрашивать и прощупывать почву, так сказать. Потом он сказал, что автобус сейчас ремонтируется, но к назначенному сроку будет готов. Я решил посмотреть на автобус и пошел с Сашей в гараж, там мы увидели дремучий и грязный ЛАЗ рядом с которым ходил кругами шофёр, я спросил его будет ли готов автобус к назначенному часу и назвал ему место и час, где он должен завтра быть. Тот сказал, что всё будет в порядке. После этого два Александра вернулись к Шварцкопфу. Саша Кунц сказал дядьке, что у этого шофёра автобус в очень грязном и неряшливом состоянии, может быть стоит другой подыскать. Наивный Саша, я уже понял, что дело здесь нечисто. Для менее важных событий Шварцкопф подавал Дедреру новенький Икарус на котором ездил волейбольная команда «АДК», а для ученых подойдет и эта старая кляча. Но дареному коню в зубы не смотрят. Спасибо за заботу о немецких ученых, господа Дедерер и Шварцкопф! Ученые вас не забудут.

На следующий день состоялся съезд ученых, его официальная часть. Присутствовал посол, общественность и пресса. Доклад сделал Боос, я сидел в Президиуме съезда. После этого последовали вопросы прессы, Лариса Оганесовна переводила для посла эти вопросы. На те, которые были в моей компетенции я давал ответы. После окончания официальной части поехали на чадящем автобусе в Немецкий Дом и там продолжили работу. Затем пообедали в гостинице и поехали на Медео. У меня были большие сомнения в том заберётся ли это чудо техники на Медео. Но забрался, хотя шофер потребовал заплатить ему за услуги, на что я сказал, что ему заплатит Шварцкопф, а если будет мало, то пусть он обратится к Дедреру.

Вечером состоялся банкет. В Президиуме сидел посол и Боос с женами, дама из Академии российских немцев. Я сидел за общим столом, так мне было удобней. Ели, пили вино, произносились речи, все благодарили Бооса за организацию съезда. Я слушал всё и знал, что 90% всех дел выполнил я, но это меня не сильно расстраивало. Похвалы мне были не нужны, я прекрасно знал, что значит работать с Академиками, для этого у меня был уже большой опыт. Академики в таких случаях часто выступают в роли свадебных генералов, а работу делают другие и вся мудрость Академиков заключается в поиске надежных и деловых помощников. И это не очень простая задача, найти таких помощников. Хотя Академики обладая большим авторитетом и связями могут решать важные и сложные вопросы, которые не под силу простым смертным.

Тут нужно разделение ролей. Я знал хорошо свои обязанности и совместная работа и общение с Академиками очень меня обогатили в жизненном и научно-производственном плане. Деловитость, аккуратность и точность ценятся в любой сфере общественно-полезной деятельности, а в науке, где эти качества не самые сильные у ученых, всегда имеется дефицит таких менеджеров в научно-производственном процессе.

На следующий день продолжилась работа по секциям, а вечером продолжилась встреча в дружеском кругу. Я пригласил на неё профессора Аскара Джумадиляева с которым у меня были хорошие отношения, он с удовольствием согласился. Аскар до этого работал как приглашенный доцент в Мюнхенском университете, привёз оттуда учебник немецкого языка на CD и предлагал его по номинальной цене.

Юбилей Бооса, сентябрь 1996 года

В сентябре профессор, Член Корреспондент академии Наук Республики Казахстан Эрнст Боос отмечал свой 65-летний юбилей. Отмечал он его в Алма-Атинском областном немецком центре «Wiedergeburt» в здании на Комсомольской и 8-Марта, напротив Концертного зала. Отмечать свой юбилей в Немецком Доме он не посчитал нужным, возможно из-за брезгливого отношения к Дедереру. Заведовала обростным «Wiedergeburtom» дама с типично немецкой фамилией – Иванова. Как водится и по традиции все руководители «Wiedergeburtов» исчезали после нескольких лет руководства этими организациями на исторической Родине. Госпожа Иванова не была исключением.

На юбилее присутствовал сам виновник торжества с супругой, друзья и коллеги юбиляра из Академии Наук, в том числе Академик Султангазин и директор Института Ионосферы. Я был единственным приглашенным из Немецкого Дома. Султангазин спросил меня во время паузы-перекура: «Ну, что Вагнер, когда докторскую будешь защищать?». Директор Института Ионосферы сказал: «А зачем она ему нужна?».

Фото №34. Визитная карточка профессора Бооса

В последнее время я часто слышал такое высказывание из уст как больших ученых так и обыкновенных смертных. Как то я открыл интернетовскую страницу Института математики Казахстана и узнал, что Султангазин внезапно умер в 2003 году. Вот так. Смерть уравнивает академика и бродягу. «Моменто мори» как говорили древнии. Думай о смерти.

Кандидат технических наук, ноябрь 1996 года

В середине ноября 1996 года я обнаружил в своем почтовом ящике открытку. Повертел её в руках, почитал адрес отправителя, написанный собственной рукой полтора года назад и понял, что это известие из ВАКа. В открытке сообщалась, что ВАК утвердил мою диссертацию. Вечером вернулась из университета Татьяна и сообщила, что на лекции по Математическому Анализу, профессор Жексембаев сказал ей: «Передай отцу, что комиссия ВАКа наконец утвердила его диссертацию». Что и требовалось доказать! Долгий и трудный путь к этому был окончен и цель достигнута. В науке нет широкой столбовой дороги и только тот, кто не страшась усталости карабкается по её каменистым тропам может достичь её сияющих вершин. Эта цитата Карла Маркса запомнилась мне с детства. Она была написана на красном кумаче белыми буквами и висела в актовом зале школы им. В.И. Ленина. Практика – это критерий истины по словам Владимира Ильича. Я подтвердил утверждения классиков марксизма-ленинизма своим опытом. На это у него ушло ни много ни мало 28 лет. Сделал я это без отрыва от производства, то есть параллельно с работой, семейными делами, строительством жилья, заработками в пустынях, выкидонами с работы, «борьбой» научных школ, бесчисленными командировками и многими-многими другими малыми и большими делами. Итак, цель достигнута, движемся к следующей.

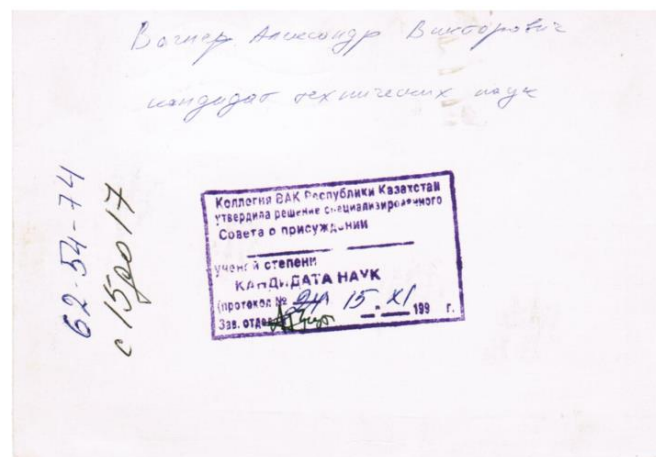

Фото №35. Открыта с извещением о присуждении степени кандидата технических наук (лицевая и тыльная стороны)

Встреча в день поминаения на военном кладбище, ноябрь 1996 года

Первого ноября 1996 года состоялась очередная и последняя моя встреча с послом Германии и профессором Боосом. На этот раз на Центральном Алма-Атинском кладбище у могил немецких солдат. Эти солдаты находились в плену в лагере в Алма-Ате, там работала тетка Риммы медсестрой. Я поехал на кладбище с коллегой из Видеребурта Усть-Каменогорска. Приехали к Центральному кладбищу на Ташкентской, затем с каким-то немецким бизнесменом, который заметил нас у ворот и пригласил в машину. На кладбище было отведено специальное место для захоронения военнопленных, могилы были приведены в порядок.

Собралась группа посольских, возложили венок. Я поздоровался с послом как со старым знакомым. С ним была жена-испанка, как сообщил в свое время Шульц. Испанка была больше похожа на деревенскую русскую бабу и неплохо говорила по-русски. Завела беседу с каким-то предпринимателем, типичным сельским немцем. Распрашивала его о бизнесе и прочем. Потом она стала жаловаться на высокие затраты на электроэнергию в доме, который они арендуют у одной челночницы построивший дом со своих «трудовых» доходов в престижном районе Алма-Аты. Дом был всем хорош, была только одна беда с его эксплуатацией. Центрального электроснабжения в этом районе не было и ушлая челночница установила дизель-генератор, а он требовал много солярки и, соответственно, электричество стоило дорого в этом доме, для посольства это было накладно.

Последние дни в Алм-Ате. Декабрь 1996 - Январь 1997 года

Я готовился к отъезду. Надо было получить справки тут и там, в том числе сдать военный билет и получить справку в том же самом здании военкомата, откуда он чуть ли не 28 лет назад призывался в Армию. Требовались подписи от родителей и иждивенцев, которые остаются, то есть не выезжают вместе с ним. Мать подписала эту бумагу, теперь надо было получить такую же подпись от матери Риммы. Она поехала глубокой осенью в деревню, хотела раньше, но её начальница из Южно-русской провинции со стеклянными глазами её все не отпускала в отпуск, хотела чтобы Римма ушла вместе с ней в конце года назло подчиненным. Пусть мол они покрутятся без мудрого начальства. Наконц Римма улетела, вернулась через неделю. В деревне шли дожди и стояла грязь непролазная. Затем занялись продажей квартир. Свою однокомнатную я продал Боливару без особых проблем и почти задаром, то есть за 4 тысячи долларов. Трехкомнатную договорились продать одной семейке за 10 тысяч. Когда пришли оформлять договор продажи, то вдруг у покупателей не оказалось 500 долларов, пришлось продать за 9,5 тысячей. Я уволился из Научного центра и стал сдавать материальные ценности. Ими оказались пяток старых обшарпанных столов, но новый директор, которого поставили вместо Жузжанова, Казбек Агабылович, старый мой знакомый ещё с поездки на конференцию в Киев в 1989 году,

начал выеживаться и тянуть с подписью. Его завхоз, ещё одна крыса, всё никак не мог сосчитать столы. Наконец я взял Казбека буквально за грудки и вытряс из него подпись. Казбек помер не дожив до 60-ти лет, insult как рассказывал мне спустя 25 лет Максут Кульжанов. В Институте математики обошлось без проблем, компьютеры я передал своему сотруднику Тургаю. Получил характеристику у директора, поставил штамп в отделе кадров в трудовую книжку об увольнении 10 января 1997 года. Съездил в НИИ Профзаболеваний и получил там характеристику у замдиректора профессора Жана Абылаева.

Оставалось перевезти вещи к матери и освободить проданную квартиру. Переносить и грузить вещи помогали Паридон, Жаксырахим и Аман Ташев.

Вещи перевезли к матери, расставили в доме и в сарае. Табуретки кухонные я продал Мелкову по остаточной цене. Во время приездов с новой родины на старую мы распивали с другом горячительные напитки и хлебали борщ на кухне сидя на этих табуретках. Квартиры, которые были заработаны кровью и потом пошли с молотка за неполных 14 тысяч долларов. Мне было на весь скарб глубоко наплевать, единственной ценностью для меня были книги. Я их аккуратно расставил по полкам, которые сам и строгал ранее из стропил барачных на СМУ-15. Наказал матери строго-настрого книги не трогать и не вздумать продавать. Хорошие детские вещи Римма собрала в полиэтиленовый мешок и отвезла девочкам-двойняшкам своей подруги Валентине.

Билет на самолёт я получил в «Олимпия-Райзен» в немецком посольстве. Эта фирма была уполномочена немецким правительством заниматься перевозками немецких переселенцев в Германию. Я попросил Егера помочь в этом деле. Тот позвонил своему знакомому директору этой фирмы в Казахстане и я заявился в назначенное время у него. В коридоре посольства меня увидела переводчица с которой я не раз встречался на различных мероприятиях с участием немецкого посла. Она поздоровалась и с удивлением спросила, что я здесь делаю. Я ответил, что по делам в Олимпия. Я как привилегированный переселенец пришёл по приглашению, а за железной решеткой, которой перекрывался вход сюда, жались в толпе как в обезьяннике обыкновенные Аусзидлеры со всех концов Казахстана. Картина была мерзкая и лежала тяжестью в моих воспоминаниях ещё многие годы. Я поговорил с начальником Олимпии и тот отправил меня к кассирам, которые находились тут же в большой комнате. Это была группа молодых женщин и мужчин в количестве 5 человек. Я подсел к одному из них и тот посмотрев документы стал выписывать билеты на ближайшие дни января. Потом он вручил мне книжечку с пятью билетами. Я полистал эту книжечку и с удивлением обнаружил, что билеты выписаны на рейс «Алма-Ата-Ганновер» с двумя посадками казахской авиакомпании. Я вернул эту книжечку обалдевшему кассиру и сказал, что на этом рейсе не полечу и попросил его выписать билеты на прямой рейс. Тот сказал, что не может, я встал и пошёл к начальнику, но тот уехал по делам.

На следующий день я позвонил начальнику, тот стал мне говорить, что я резко разговаривал с его сотрудниками и что он не может выписать мне билет на прямой рейс. Я ему напомнил, что вчера на моих глазах выписали билет на прямой рейс одной женщине. Начальник сказал, что такие билеты выписывают только старым и больным людям, а если я буду упорствовать, то он пожалуется на меня в Германию ответственным чиновником. Я ему сказал, что приду завтра для личного разговора.

Назавтра прихватив медицинские книжки младшей дочери и жены, в которых были указаны их сердечно-сосудистые заболевания, я явился утром к начальнику Олимпии. Состоялся очередной разговор и начальник скрипя зубами дал команду своим кассирам выписать новые билеты. Тот же сотрудник выдал мне новую книжицу с билетами на рейс «Люфтганзы». Первый барьер на пути в Историческую Родину был преодолен. Я пошёл вниз по Ленина чтобы сесть у парка в Экспрес 126 и ехать в Аксай.

Я шёл по левой стороне улицы, которая была уже заполнена модными магазинами с иностранными названиями, в один из них, торгующий кожгалантереей я зашёл и увидел витрину с хорошими мужскими бумажниками. Один из них очень мне понравился. Английской фирмы «Petek», существующей с 1854 года и я его купил выложив 100 долларов. Этот бумажник служил

долго, почти 15 лет. Он был из хорошей гладкой кожи с четырьмя отделениями для купюр и одним потайным сбоку, с карманчиками для визиток и окошечком с сеточкой для удостоверения. После того как он после долгой службы истёрся на сгибах сверху и снизу, то я решил его переделать, разобрал его на части, сшил один бумажник, не понравилось. Снова распорол и сшил другой, снова не то. Наконец ему в 2019 году пришла в голову идея сделать из него хорошую обложку для блокнота-ежедневника. Расшил его и склеил-сшил заново, пришил застежку с кнопкой и приспособил эту широкую кожаную застежку для закрепления ручки. Затем нашёл готовые блокноты на 190 страниц очень хорошо подходящие к новому «Peteky». У бумажника началась на радость хозяину новая, литературная жизнь. В блокнот я записываю ежедневно все замечательные происшествия и свои думы и мысли. Одного такого блокнота объемом в 190 страниц хватает на 2-3 месяца.

В Немецком Доме я побывал на Рождественские праздники, посидел с коллегами за праздничным столом. Потом попрощался с симпатичными мне людьми и покинул это заведение с букетом желтых цветов, которые пресс-секретарь Ольга Моос поставила мне на стол в вазе. Желтый цвет – это цвет удачи, так она ему объяснила. В один из приездов в Алма-Ату, я заехал в Немецкий Дом, встретил некоторых знакомых, поговорил со Славой Венцель. Тот мне сказал, что первый месяц со дня отъезда телефон на моём столе трещал непрерывно, все требовали Вагнера. Звонили из разных организаций, в том числе из приемной министра здравоохранения Казахстана г-н Девятко.

Перед отъездом я накрыл стол в бухгалтерии Института, Слава помог мне закупить угощения. За стол собралось человек 10, все желали мне успехов на Исторической Родине. Были и такие, кто из своей подлой сущности подгадил на посошок. Одна толстая дама заявила:

- Вот, выучились за счёт Государства, а теперь уезжают!

Я глазом не моргнув пригвоздил её своим ответом:

- Ты знаешь, я работал на стройке и учился на вечернем отделение в Университете, два года в Армии отслужил, платил налоги на обучение очников. Многие из этих очников ни дня по профессии не работали, закончив Аспирантуры ушли в бухгалтера. Эта дама дурковала в Бухгалтерии с дипломом Математика.

В последние дни на Родине я встречал нечаянно старых знакомых из прошлой жизни. Однажды ехал из Минздрава на 10-ом троллейбусе, заметил в салоне женщину которая мне улыбалась, присмотрелся, это была Рита И. Я подошёл к ней, вышли оба на Шевченко, Рита шла домой. Она спросила у меня:

- Саша, ты почему не здороваешься со старыми друзьями?

Я удивился её вопросу.

- На днях гулял здесь с какой-то девицей и прошёл мимо не здороваясь.

Стал припоминать с кем бы это я мог тут гулять. А, с Леной!

- Ты чем занимаешься, герой-любовник?

- Чем занимаюсь? Диссертацию защитил, готовлюсь к эмиграции на историческую Родину.

- Везет же немцам! А кому эти диссертации нужны сегодня, за них уже не платят.

Я подумал:

- И эта туда же. Платят, не платят. Мне нужна. Как статус и достигнутая цель.

Я попрощался с Ритой и побежал в Институт Математики. Мы встретились вновь через 10 лет почти на этом же месте.

Ночь перед отлетом

Вылет был назначен на 13 января в 5 утра по местному времени. Ночь не спали. Проважать приехали Мелков с Жасырахимом, Сергей Кузнецов с братом Мишей на двух машинах. Несколько коробок вещей, два ковра, телевизор отвезли заранее в фирму «Банковский» для отправки в Германию малой скоростью. В три утра выехали, сгрузили свои вещи и сели в зале ожидания. Затем попрощались с друзьями и родственником и пошли на досмотр. Там всё обошлось без эксцессов, начальник смены досмотра спросил где я работаю, я сказал, что в Институте

Дата и время создания документа: 12.03.2023 16:05:35, релиз №1

Автор, редактор и дизайнер документа: Dr. Alexander Wagner

© Общество одноклассников(выпуск 1968) с.Казыгурт/Ленинское. Все права защищены законом

Стр. 49/51

Математики. Тот сообщил с гордостью, что у него там жена работает. Открыл большой чемодан, там сверху лежала книга «12 стульев».

- В уездном городе Н., начал старший смены. Он был видать читатель и любитель «12-ти стульев». В другом чемодане обнаружился незадекларированный корейский видеорекордер. Старший из уважения к героям романа Ильфа и Петрова и, возможно, места моей прежней работы закрыл на это глаза и семья д-ра Вагнера пошла на посадку. Когда самолёт оторвался от взлетной полосы, то я облегченно вздохнул.

- Всё, назад пути нет! Теперь только вперед сквозь зубы Дракона.

Фото №36. Прощальный вечер у матери. Алматы, 12.01.1997

Полет в очередную Неизвестность

Самолет АС-210 авиакомпании «Люфтганза» был наполовину пустой. Летели новые казахи, евреи, русские и далее по списку. Кто-то в одиночку, кто-то группой, кто-то семьей с малыми детьми. Простым смертным эти полёты были не по карману, они нищенствовали в новом чудесном рыночном мире, наступившем в «Империи зла», донашивали одежду, купленную ещё в социализме, распродали ценные или ненужные вещи, в первую очередь книги. Люди выживали как умели. Очень многие не выжили в этих новых условиях.

Ровно гудели моторы лайнера, стюардессы разносили напитки и закуски, на экране шло американское кино на немецком языке. Я в который раз размышлял о своей новой жизни на исторической Родине. Никаких иллюзий у меня не было и я летел туда теперь с семьей не за колбасой и не за подержанным автомобилем. Я летел за новым жизненным шансом, как всегда до этого. На старой Родине шансов у меня уже не было. Страна была поругана и разграблена. Те, которые что-то могли и умели, покидали эту страну во всех мыслимых направлениях.

Прошло 28 с небольшим лет как я прибыл в Алма-Ату с чемоданом полным книжек и головой и сердцем полными надежд и ожиданий перед Неизвестностью. Тогда это был полёт в первую Неизвестность, а сейчас во вторую. Снова магическая цифра 2. Теперь я покидаю эту страну на гребне успеха. Прошло 28 лет ежедневной и ежечасной борьбы за существование, свое человеческое достоинство и честь. Ушли в вечность 28 лет непрерывной работы почти всегда в 2-х, часто и в 3-х местах одновременно. Работы самой разнообразной от тяжелого неквалифицированного труда по переноски тяжестей в строительной бригаде и до высокоинтеллектуального труда в Академии Наук Республики Казахстан с лучшими умами страны. Ушли дни проживания в общагах вместе с полуголовными элементами и алкогольным сбродом. Канули в вечность унижение со стороны власть предержащих и партийно-хозяйственных бонз, изгнание с рабочих мест, попытки интеллектуального грабежа и непризнания научных достижений. Остались следы в памяти от общения на самых разных уровнях и с самыми разными людьми: от полуграмотных крестьян и работяг до академиков,

министров, послов зарубежных стран, полковников и генералов, партийных и советских функционеров, писателей, художников и других интересных людей. Всё это осталось в этом 28-ми летнем жизненном отрезке. Да, я сумел выжить в этой агрессивной среде. И это уже великая удача! Мне нечего гневить Бога и я перед ним тоже был честен. То, что было во мне заложено от рождения, данный мне свыше потенциал я постарался максимально использовать и реализовать. Кажется это удалось.

В памяти из этих 28 лет остались светлые воспоминания о людях, которые протягивали мне руку помощи в трудную минуту жизни, поддерживали морально и иногда материально. Такое не забывается. Подлецы и мерзавцы были наказаны мною лично по мере моих сил и возможностей или Высшими силами, а с теми, с которыми ещё не довелось рассчитаться, пусть подождут. Этот час ещё настанет если не на этом то на том свете.

Я вновь летел в Неизвестность. Начиналась вторая фаза моей жизни. Мне было 46 лет, я был на интеллектуальном пике своей жизни, опыта у меня было достаточно и во многих сферах человеческой деятельности, а оптимизма и уверенности было не занимать. Я рассчитывал только на себя, на свою голову, руки, характер и волю и ещё немного на помощь Сверху. Мне предстояло ещё 20-25 лет интенсивного труда. Я знал, что меня ожидает и что надо будет делать на новом месте. Задача была не новая, новыми были начальные и граничные условия и ограничения на Переменные Жизни. Алгоритм решения был мне известен и новая задача сводилась к ранее решенной.